

КРОКОДИЛ

№ 24 (1746) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 30 АВГУСТА 1964

— На второстепенную работу его нельзя посылать: он привык разваливать крупные предприятия!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

В НЕПРИНУЖДЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

Боря Баранкин — это, конечно, не Александр Македонский, но тоже ничего, звучит. Тем более, что именно Боря Баранкин, а не кто другой, изобрел глиссер-вертолет.

Глиссер-вертолет и прославил скромную фамилию Баранкина. Этот глиссер-вертолет (в одну десятую натуральной величины) мог двигаться по воде и тут же, с ходу, подниматься в воздух. Он был весь разборный, и винт вертолета тоже разбирался и мог в случае аварии служить в качестве весел.

Это последнее обстоятельство привело в особое восхищение редакцию местной газеты, и о Боре Баранкине была напечатана статья. Потом местное радио сделало о Боре Баранкине передачу. А потом Борю Баранкина пригласили на местный «Голубой огонек».

Режиссер телевидения долго рассказывал Боре Баранкину, что нужно делать. Боря должен был в непринужденной обстановке, за чашкой кофе рассказать о своем глиссере-вертолете, о том, как зародилась идея и как она осуществлялась, привести забавный случай из жизни школьного технического кружка, поблагодарить старших и особенно пионервожатую Люсю Гаврикову и показать свой глиссер-вертолет при условии, конечно, что он не врежется в телевизионную камеру.

И вот наконец настал вечер передачи. Борю умыли, одели в парадную форму — белый верх, черный низ — и отправили на студию.

На студии в непринужденной обстановке сидели взрослые дяди и тети. Они сидели за тонконогими столиками, перед каждым стояла пустая чашка — кофе обещали налить в начале передачи. Все дяди и тети были очень красиво одеты. Они прокашливались и вполголоса репетировали свои выступления.

Родители Бори Баранкина тоже волновались — дома, у телевизора. Они не понимали, почему передача так долго не начинается. Они не знали, что студия уже с утра выбилась из графика, что спортивная передача заняла слишком много времени, что из-за этого пришлось урезать «Вести с полей», что, несмотря на это, «Вести с полей» съели все время «Умелых рук», что «Умелые руки» протесовали, и, пока прояснялась эта сложная ситуация, запустили одночастевый документальный фильм, который оказался трехчастевым, и вот теперь никто не решался его оста-

новить. Не знали этого и красивые дяди и тети, которые прокашливались и торжественно повторяли свои слова.

Непринужденная обстановка накалялась. Ассистенты режиссера бежали по залу, сталкиваясь лбами. Сам режиссер сидел в углу, тихо стонал и сокращал текст выступлений целыми страницами.

Только один человек был спокоен — юноша в красивых носках. Он переходил от столика к столику, садился; высоко задирая брючину, и одним глазом поглядывал, видны ли в камере его носки.

Фильм все-таки прекратили на самом интересном месте, и на экране появилась симпатичная заставка: птичка клевала улыбающегося червячка. Заставка держалась очень долго, и Борины родители опять недоумевали.

В это время беготня на студии усилилась, ноги ассистентов слились в одну сверкающую линию, а между режиссером и оператором возник небольшой скандал.

Наконец режиссер подал сигнал. Камеру направили на юношу в красивых носках. Режиссер сделал юноше страшные глаза. Тот вздрогнул и быстро рассказал, что он сидит рядом со знаменитым ученым-физиком и что знаменитый ученый-физик занимается изучением солнечного вещества. Боре Баранкину стало ужасно интересно. Человек в очках закашлялся и, запинаясь, объяснил, что вообще-то никто не видел и не изучал солнечного вещества вблизи, хотя в дальнейшем можно будет совершить экспедицию к Солнцу и, так сказать, непосредственно «зачерпнуть» солнечной материи. Юноша оторвался от своих носков и быстро поглядел на человека в очках.

— Как ложкой из кастрюли? — спросил он и захохотал.

— Да... разумеется... — растерянно сказал человек в очках и покраснел. По телевизору этого не было видно.

— Вот ведь — как ложкой из кастрюли! — весело повторил юноша в красивых носках. — Все это очень, очень интересно! А сейчас

вы, выходит, еще не зачерпнули?

— Нет, разумеется... Сейчас мы проводим серьезные исследования...

— Не зачерпнули, значит! — обрадовался юноша, одним глазом, как птица, снова взглянув на свои носки. — Ну что же, остается вас поблагодарить...

— Но я еще не рассказал... Дайте сказать! — жалобно попросил человек в очках, отодвигая пустую чашку.

— Рассказать... да-да... ну, скажите!

— Изучение солнечной материи имеет и будет иметь тем более серьезное значение для нашей науки...

— До тех пор, пока мы сами ее, так сказать, не зачерпнем! — уверенно подсказал юноша. — Ну, что же, все ясно, большое спасибо! — быстро закончил он, делая под столом отчаянные знаки оператору.

Раздался прохот — это упала телекамера. Обаятельная ведущая испугалась и вскрикнула. Человек в очках махнул рукой и замолчал. Вторую камеру уже наводили на ведущую, которая быстро подседа к старику, увешанному орденами и медалями.

— А сейчас, дорогие зрители, мы познакомимся с участником двух войн, генерал-майором в отставке Петром... Петром... Вас ведь зовут Петр?

— Петр Федорович, — ласково улыбнулся ей старик.

— Ну, конечно, Петр Федорович! — просияла обаятельная ведущая. — Скажите, Петр Федорович, это у вас все ордена?

— Ордена.

— А это медали?

— Медали.

— Да. Ордена и медали. Старый воин, конечно, может многое рассказать о своих подвигах... Ведь можете, Петр Федорович?

— Да как сказать... — снова улыбнулся старик и прокашлялся. — Вот, помню я, в сорок третьем под Харьковом...

— Ну, вот видите, может! — обрадовалась обаятельная ведущая. — Немало воспоминаний хранится в памяти старого воина! Но мы, к сожалению, торопимся. Петр Федоро-

вич, мы пригласили вас, чтобы специально в вашу честь исполнить ваше любимое мамбо «Голубка»!

Оркестр грянул. Он играл очень долго и очень громко. В середине музыканты что-то кричали хором. Потом выскочила голая тетя в красном лифчике и начала делать под музыку мостик. Боря Баранкин и не заметил, как на него наставили телекамеру.

Оркестр смолк. Прямо к Боре бежала обаятельная ведущая.

— А вот еще один наш сюрприз — Вова Баранкин! — объявила она на ходу и встала к Боре спиной. И затем, обернувшись на минутку лицом, прошептала: — Вовочка, в темпе!

Боря вздохнул. Ему стало ужасно жаль взрослых, которые очень мучались. Ему ужасно захотелось помочь им. Он еще раз вздохнул и быстро-быстро сказал:

— Я знаю, тетя, вы очень спешите...

— Верно, Вовочка! — обрадовалась обаятельная ведущая.

— Меня зовут не Вова, а Боря, но это неважно...

— Верно, Вовочка!

— Я изобрел глиссер-вертолет, но это тоже неважно...

— Верно, Вовочка!

Балетными шагами к ним припорхнул юноша в красивых носках. Он уже не смотрел на свои носки, он неотрывно смотрел на часы.

— Я не буду рассказывать о рождении идеи и приводить забавный случай, потому что вы спешите...

— Верно, Вовочка! — хором воскликнули обаятельная ведущая и юноша в красивых носках.

— Еще я должен поблагодарить взрослых и особенно пионервожатую Люсю Гаврикову, но они тоже обойдутся.

— Конечно, Вовочка! — ликовали обаятельная ведущая и диктор в красивых носках.

— У меня все, тетя. Мне было очень, очень интересно, тетя. Большое спасибо.

Грянул оркестр. Обаятельная ведущая повернулась к экрану.

— А теперь, товарищи...

Больше зрители ничего не увидели. На экране появилась заставка. На ней была изображена все та же птичка. Она клевала улыбающегося червячка. Заставка долго держалась на экране в полном молчании. Потом заиграла музыка. Птичка и червячок улыбались друг другу. Так прошло полчаса...

Еще через полчаса объявили следующую передачу.

Алябьев, «Соловей».

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Сходство и различие

Поэт доказывал со страстью, яро:
«Мой труд сродни
работе кочегара.

Он в печь бросает влажные
поленья,

шурует,
чтоб огонь раздуть из тленья...

Вот так и я:
из рифм — горючих дров —
творю стихи,
вадувая пламя строф!»

Что ж, сходство есть,

не скажешь ничего.

Поэт сумел построить образ ярко.

В одном ошибся:

от стихов его

читателям

ни холодно, ни жарко.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

г. Киев.

В ОТЦА или В МАТЬ?

Дорогой Крокодил, помоги нам определить, какие были глаза у Варвары из романа Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень», напечатанного в «Роман-газете» № 8 (308) за 1964 год.

На странице 37 автор утверждает, что у Варьки глаза голубые, как у матери. А на странице 100 читаем: «Варька, блеснув черными, как у отца, глазами, смущенно опустила голову...»

Хотя Анатолий Иванов — наш земляк, подобной рассеянности мы ему не прощаем.

В. СВЕРДЛОВА,

Л. МОЗГОВАЯ

г. Зырянск.

ПОКУШЕНИЕ НА КЛАССИКА,

ИЛИ

как проницательная Дора Хэмблин
разоблачила самозванца Марка Твена

Научно доказано, что самое сладостное, острое и волнующее ощущение мещанин получает тогда, когда обдаёт грязью людей, стоящих высоко над ним.

— А вы слышали про Н. Н.? Хе-хе-хе...

— А что он, того? Ха-ха-ха...

— Вот именно! А еще воображает о себе! Хе-хе-хе...

Лет сто с лишним назад околотитературные мещане начали подкапываться под монумент Вильяма Шекспира.

— А вы слышали про Шекспира? Хе-хе-хе...

— А что он, того? Ха-ха-ха...

— Вот именно! Шекспира-то написал вовсе не Шекспир.

— А кто же?

— Сэр Уолтер Рэлей, граф Оксфордский, Бен Джонсон, Кристофер Марлоу, королева Елизавета I, некая Эн Уотли, которая была не то монашкой, не то девицей легкого поведения. Да мало ли кто написал Шекспира! Ха-ха-ха...

— Вот устроился, так устроился! Хе-хе-хе...

Сама идея, что простой актер, родившийся без титулов в скромном домике в Стрэтфорде-на-Эвоне, оказался гением, отвратительна для этих людей. У нас, рассуждают они, и родители почище и денег побольше, а ведь даже мы не вышли в гении. А тут какой-то Вильям Шекспир!

Мещанство, в том числе и околотитературное, живуче. На очереди новый подкоп, на этот раз под Марка Твена.

* * *

В одном из последних номеров американского журнала «Лайф» некая мисс Дора Хэмблин, которую редакция представляет «литературной ищейкой», недоумевающе пожимает своими критическими плечиками. Как это раньше никто не сообразил, что Марка Твена написал вовсе не Марк Твен? Доказательства? Они подавляют и сокрушают своей безжалостной логикой. Извольте, вот они.

Во-первых, известно, что в молодости Сэмюэль Клеменс, по недоразумению ставший впоследствии известным миру под псевдонимом Марк Твен, писал, не слишком жалуя орфографию. Чувствуете, какая обида сжимает сердце мисс Доры Хэмблин? Она-то пишет без ошибок, орфография ее статьи, особенно благодаря стараниям корректоров журнала, безупречна. А вот почему-то не стала она еще классиком мировой литературы! Справедливо ли это? Да и вообще, разве мог этот самый простачок Клеменс, бросивший школу в двенадцать лет и испробовавший десятки профессий, стать писателем? Ведь вон у скольких порядочных людей и средств побольше и образование посolidнее — и то не классики...

Что, все еще не убедила вас мисс Хэмблин? Ну ладно, пусть в ход ее артиллерию главного калибра. Помните, Том Соьер, которому смерть как не хотелось красить забор, сделал вид, что он в восторге от своего занятия и таким образом вызвал зависть у товарища? Так вот, утверждает мисс Хэмблин, этот трюк характерен только для восточных районов страны, а Сэмюэль Клеменс родом из среднезападных районов. Так-то!

Но не думайте, что мисс Хэмблин зря носит лестный титул «литературной ищейки» журнала «Лайф»! Заронив сомнения в наши души, она тут же отвечает на вопрос, кто написал Марка Твена. Поэт Генри Уодсворт Лонгфелло — вот кто подлинный Марк Твен!

Доказательства? Они не менее логичны, чем те, о которых мы уже рассказали. Во-первых, поэт, в отличие от Сэмюэля Клеменса, родился в аристократической семье и получил высшее образование. Во-вторых, ему очень хотелось стать юмористом, но мешало происхождение и образование. Дальше все понятно. Он находит некоего Сэмюэля Клеменса, который и публикует под своим именем все эти книжки, вроде «Тома Соьера», «Гек-

— Умоляю, доверьте мне роль старика: ведь играл же я их в молодости...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

льберри Финна», «Янки при дворе короля Артура» и так далее. Как именно Твен и Лонгфелло делили гонорар, мисс Дора Хэмблин еще не выяснила, но, надо думать, ее детективные таланты помогут восстановить истину.

Правда, есть два маленьких обстоятельства, которые не совсем укладываются в великодушную схему «литературной ищейки». Известно, например, что Лонгфелло и Твен встречались всего один раз в жизни. Но надо думать, что они и не встречались именно потому, что участвовали в грандиозной литературной мистификации и хотели замести следы. А передавать Твену рукописи Лонгфелло мог и через тайных курьеров, и просто по почте, и запечатав их в бутылку, пущенную в океан, — да мало ли способов!

Кроме того, Лонгфелло умер на двадцать восемь лет раньше Твена, раньше даже, чем был опубликован «Гекльберри Финн». Но это пустяки. Чувствуя, что скоро умрет, Лонгфелло мог поднажать и написать вперед на двадцать восемь лет, так, чтобы у его напарника не было простоев.

Скептики, правда скажут, что Марк Твен был бесподобным собеседником, лектором и рассказчиком, всегда вызывавшим восторг у слушателей, будь их двое или две тысячи. Но и это возражение, надо думать, не вызовет особого смущения у неиспровергательницы авторитетов. Во-первых, пока Лонгфелло был жив, он вполне мог прятаться за спиной у Твена во время публичных выступлений или сидеть у того в кармане и тайно суфлировать. В последние же двадцать восемь лет после своей смерти Лонгфелло, безусловно, мог

являться на помощь напарнику в виде духа, привидения или просто потусторонней силы.

* * *

Мисс Дора Хэмблин не шутит. Она даже предлагает создать авторитетную комиссию из ученых, которые вскрыли бы могилу Лонгфелло в Кембридже, штат Массачусетс, на предмет установления истины. Кто знает, не лежат ли в могиле расписки, полученные автором «Гайаваты» от Марка Твена за проданные манускрипты!

Всерьез оспаривать аргументы «литературной ищейки» журнала «Лайф» — дело неблагодарное — настолько они абсурдны. Память о двух великих американских писателях не страдает от фантастических упражнений с их именами. Характерна лишь тенденция буржуазного литературоведения поставить под сомнение саму возможность превращения человека из народа в украшение нации, будь то Вильям Шекспир или Марк Твен. Диверсия многозначительная...

Нетрудно предположить, куда заведет злобно-мещанская мода на развенчание. Поэт Уолт Уитмэн? Из простой семьи? Образование не ахти? Ясно! Уитмэн вовсе не Уитмэн. Его поэмы создавал некий приходской священник из хорошей семьи. О'Генри? Был арестован? Писал не он, а начальник тюрьмы...

Кстати, а почему бы не поставить под сомнение авторство самой мисс Хэмблин? Она ли писала статью, развенчивающую Марка Твена? Есть серьезные основания полагать, что писала не она, а ее кошка.

З. ЮРЬЕВ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МАЯКА

Год назад у звеньевого
Шла работа
с огоньком —
Звеньевого Иванова
Маяком назвал
партком...

Тут иной читатель
скажет,
Дескать, знаю наперед:
Фельетон сейчас
докажет,
Что маяк с тех пор
не пашет,
И не сеет, и не жнет;
Что приходится
делиться
Личным опытом ему
Утром в Омске, днем
в столице,
Поздно вечером
в Крыму;
Что в президиумах
вечно
Для него местечко есть:

Шлют беднягу
бесконечно
Заседать и там и здесь;
Что дают ему работу:
Выступать и здесь и там
По гороху, по осоту,
По копытам, по рогам...
Что вдали от звеньевого
Распадается звено
И что все это не ново,
А знакомо всем давно...

Ты, читатель, прав,
конечно,
Но не знаешь одного:
Что звено его успешно
Обошлось и без него.
Маяка не видно в поле.
Это верно.

Но пока
Выступает в этой роли
Заместитель маяка.
Зам не так авторитетен,
Но в звене незаменим:
Сам он вовсе не
заметен,
Но маяк заметней
с ним...

Если нужен зам
министру,

То зачем он маяку?
Для чего парашютисту
Заместитель

по прыжку?
Ноты сложно брать,
а все же
Их берет Козловский
сам,
И за Шолохова тоже
Никогда не пишет зам.
Трудно Яшину быть
хватким,
Но попробуй быть
иным:
Нету зама по
«девяткам»,
Низовым и навесным...
Тот маяк, кто честь по
честь
На своем рабочем месте
Опыт сам передает.
Чем он меньше будет
ездить,
Тем быстрее пойдет
вперед...

Эту тему я всецело
Осветить хотел бы сам,
Но, увы, спешу по
делу —
Пусть дописывает зам...

БОЖЬИ УГОДНИКИ

В соборе «Воскресение на Дабрях» назревал богопротивный скандал. Пожилая прихожанка с младенцем на руках принялась критиковать соборный причт за беспорядок.

— Бюрократизмом занимаетесь! — не очень-то благоговейно поносила она соборные порядки. — Велели к девяти, а теперь — вона!.. — скоро одиннадцать! А у вас еще и купель не готова!

— Так ты же, чай, видишь: батюшка занят, отпевает усопшего, — примирительно отвечал церковный староста и кивал в другую сторону церкви, откуда доносился дряблый речитатив священника да заунывный голос «Христовой невесты». — Положено сперва отпевать новопоставленного, а уж потом совершать святое таинство крещения.

— Ну и поряdochки, прости господи! — не унималась прихожанка. — Из-за вас невинного младенца приходится мытарить! Никакой заботы о живом человеке!

— Елико возможно заботимся. А твоя строптивость бесу в радость...

Пока шла перепалка между нетерпеливой богомолкой и церковным иктитором, торопливо подошел священник. Он явно спешил. Быстро расставив мамаш и бабушек полукругом, провел короткий инструктаж. Приобщение к вере Христовой новых граждан началось.

— И все в спешке, бегом! — недовольно заметила одна «крестная». — Торопятся, будто за ними верховой скачет!

— Так ведь дел-то сколько, господи! — пожаловался староста. — И то и се, и утренняя служба и вечерняя! Вот и разрываются!

Церковный служба не преувеличивал. Разрываются во всех четырех костромских церквях. Разных треб хоть отбавляй — отпевания, венчания, крещения. Особенно большим почетом у костромичей пользуются крестины. Купели высыхать не успевают.

— У нас новорожденных часто крестят, — грустно признались работники идеологического отдела горкома партии. — В общем, у многих сознание еще... того... словом, не того... Здорово прилипли к ним пережитки прошлого...

Конечно, пережитки прошлого — штука неприятная. Но откуда они объявились у современных папаш и мамаш?

Я беседовал со многими родителями, выяснял, что их заставило прибегнуть к услугам церкви? Одни не выдержали массированных атак бабушек и капитулировали. Другие окрестили просто так, как говорят, на всякий пожарный случай. Третьи крестили, глядя на вторых. И так далее...

Куда же смотрят костромские атеисты?

Дом политического просвещения, на радость всевышнему и его костромским пастырям, старается не надирать своего живота атеистической пропагандой. Партийные организации иногда интересуются антирелигиозной работой. И найдя, что ответственный за атеистическое воспитание человек ничегошеньки не делает, назначают нового: На этот раз атеистов города возглавил опять новый товарищ. Он полон всяких хороших планов. Намечает массу разных мероприятий. А клиентура преподобного Геннадия Костромского (есть у костромичей такой святой) все возрастает.

Более того: если до последнего времени в городе не было своих баптистов, то теперь они сделали официальную заявку на существование. А когда их пригласили в исполком, они отказались разговаривать с органами власти, находя ее порождением антихриста.

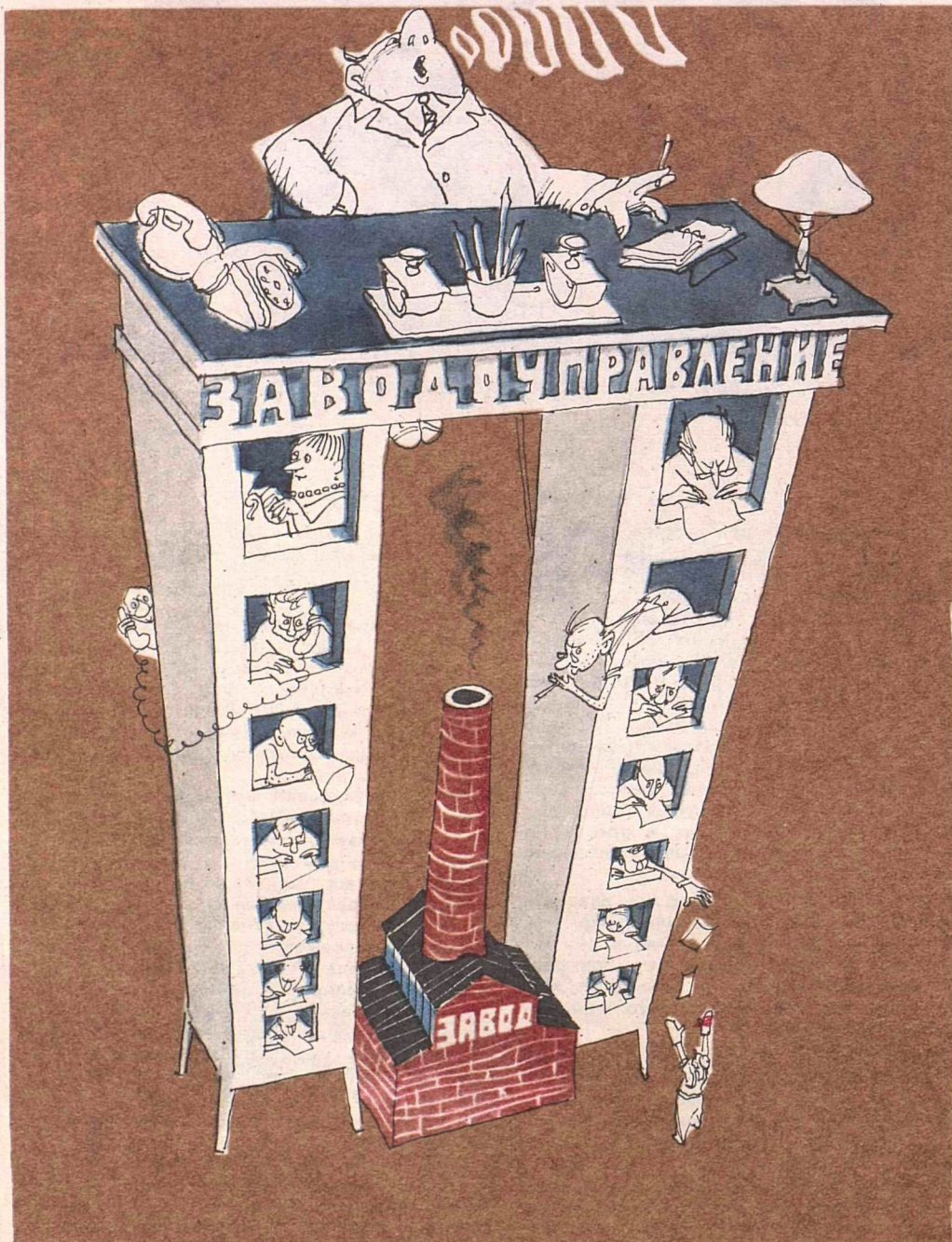
И воинствующие атеисты растерялись. Баптисты действуют, а атеисты бездействуют. Они беспомощно разводят руками. Дескать, у нас свобода совести, и мы обязаны ее блюсти.

Атеисты даже не имеют сколько-нибудь ясного представления о том, что делается в церкви, кто туда ходит, с кем им надо вести работу.

В Костроме говорят, что тамошних атеистов можно причислить к лику божьих угодников за их богоугодные дела.

Что ж, пожалуй, они этого вполне заслуживают.

И. КОСТЮКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

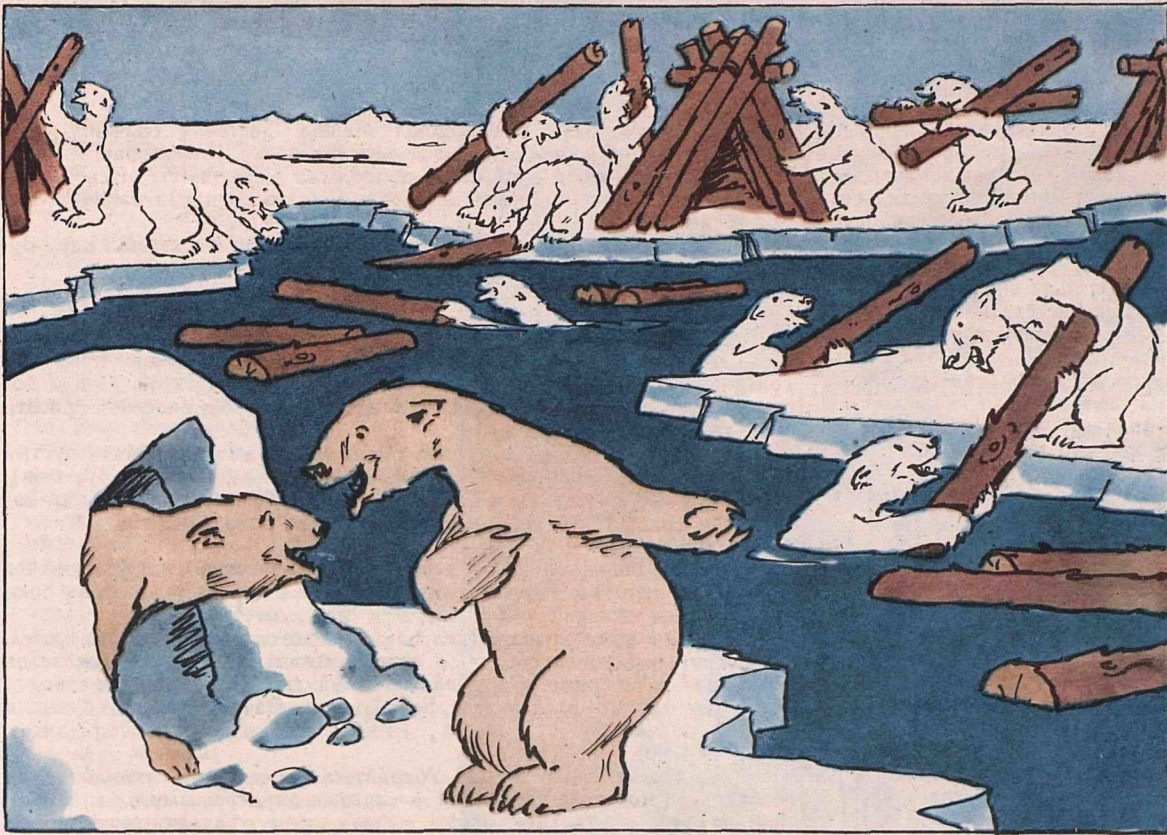

Производственный комбинат.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

г. Кострома.

Из-за бесхозяйственности при сплаве леса по северным рекам теряются сотни тысяч кубометров древесины.

— Ну что ты в снегу живешь? Мало тебе леса в океане?

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Редактор Торопов крупно шагнул по кабинету, приходя к неизбежному выводу.

— «Без женщин жить нельзя на свете, нет?».. — спрашивал себя редактор. — Нет. Не пойдет: эротика до черта. «Любит — не любит, плюнет — поцелует»?.. Тоже не фонтан: сложная психологическая тема, не поймут... Тогда это: «Кто из них желаннее, руку сжать кому?» А? Молодая девушка решает принципиальный вопрос: с каким юношей можно дружить до гробовой доски? Воспитательно, содержательно, замечательно. Любви! Любви! Газета на расхват будет. Самый притягательный вопрос для молодежи.

И через несколько дней в многотиражке Ивановского педагогического института «За педагогические кадры» появился броский заголовок: «Как быть? (письмо в редакцию)».

Девушка Н. информирует читателей о своей любимой привычке: в шесть часов утра «ходить одной и мечтать, думать, вспоминать».

Таким вот поэтическим манером движется однажды девушка Н. по ивановским тротуарам.

«...Взгляд блуждает по прохожим, которых редко встретишь в этот ранний час, по домам, по деревьям... Вдруг вздрагиваю. Внутри все замерло и ждет. Он!!! Он!!!»

Он — это «юноша с крупными карими глазами, которые излучают особый свет». Он «работает, ходит на подготовительные курсы в институт. Есть цель. Много интересного в его жизни». Он Юра. Он это он.

«Окрыленная и радостная, влетаю в комнату и тут только вспоминаю все. Как удар молнии, сразили меня воспоминания...» В памяти Н. всплыл другой он, юноша Борис, которого она обещала ждать.

«Не раздеваясь, бросаюсь на кровать и плачу. Прорвалась все-таки эта волна тоски и тоски беспощадной, сжигающей все внутри».

— Как я ее! — потирал руки редактор, перечитывая газету. — Как у Евтушенки, только поворот другой, нравственнее намного. Вот: «Как быть, если пообещала человеку ждать его, и вдруг понимаешь, что не любишь, но ведь не имеешь права с другим дружить?» А? Шик-блеск фразочка! И «От редакции» очень хорошо вышло: «Друзья-читатели! Давайте вместе ответим нашей дорогой студентке Н. Ведь, право же, нелегко, видно, ей: уж очень важ-

РУКУ СЖАТЬ КОМУ?

ный вопрос встал перед нею». Очень правильный диспут получится!

Но друзья-читатели молчали.

— Неужели не поняли? — засомневался редактор. — Надо, наверное, подстегнуть, расшевелить молодежь. А?

Под рубрикой «Как быть?» началось содержательное расшевеливание.

Молодая девушка С. излагала честно и пунктуально:

«Я не знаю, что за дружба была между нами, сколько лет она была и была ли это действительно любовь. Возможно, это была просто влюбленность... И вообще, любовь не требует долга, надо быть честной».

Г., тоже молодая девушка, делилась опытом. Ее юноша тоже был как-то в длительном отсутствии. Также встретился «другой», и тоже были терзательные размышления: «Руку сжать кому?»

«...Через два года я поняла, что не смогу остаться верной ему. И он понял меня и не осудил».

Надо было представить на страницах и самого юношу. Юношу представили. Это был безымянный студент факультета физвоспитания, и выступал он крайне мужественно. Юноша ратовал за целебные свойства коллектива:

«Дорогая незнакомка! Прочитав Ваше письмо, я словно перевернул страницу своей жизни, но только со стороны бывшего солдата. Мне на втором году службы пришло такое же письмо от девушки... Я болезненно перенес это и возненавидел женщин. Но дружный коллектив и служба помогли найти правильное решение... Если и к Вам пришло большое чувство, то Вы должны немедленно объяснить, что Вы нашли свою мечту. Чем быстрее это Вы сделаете, тем легче будет Вам, потому что коллектив и служба помогут правильно ему понять Вас».

А «дорогая редакция» жирным шрифтом призывала:

«Дорогие товарищи! От имени студентки Н.

мы благодарим вас. Нам думается, вопрос, затронутый студенткой Н., заслуживает глубокого обсуждения, ведь учитель должен отличаться честностью и чистотой. Ждем ваших новых писем».

— Теперь лады, — сказал редактор. — Теперь любой поймет и откликнется.

И вот прилетела наконец первая ласточка с полным, невыдуманным именем-отчеством. Письмо было подписано одной из работниц студенческого общежития.

— Вот это так! — радовался редактор, перечитывая письмо. — Тоже ждала одного, а вышла за другого... Железно! Трех детей от него народила. Так-с. Содержательно. Сейчас мы тебя двумя колоночками заверстаем. Эх, пошел диспут!

Газета вышла поутру. А днем в кабинет редактора пришла пожилая женщина.

— Это вы газету выпускаете? — спросила женщина.

— Я. Товарищ Торопов моя фамилия. Заметку принесли?

— Заметку. В одном институте работала одна женщина. Печаталась в том институте газета. И сидел в той газете редактор, не совсем, как бы это выразиться...

— Недотепа? — подсказал редактор. — Который не знал, что к чему? Бывает.

— Так вот. И ту женщину решили разыграть; как раз в газете вздорная дискуссия проводилась. Взяли и написали глупое письмо за ее подписью, а редактор поместил. Что ей надо было делать? Как быть?

— Как быть? — переспросил редактор. — Это вы на что намекаете? А?

— Так ведь это за моей подписью заметка в вашей газете. Студенты подшутили. Раньше только над газетой смеялись, а теперь из-за вас и надо мной будут.

...Долго шагнул в тот день редактор по кабинету, приходя к нехорошему выводу.

— Ну и поколение! — негодовал редактор. — Стараешься для них, как вол, а им только шутки. Вот и воспитывай! Находи общий язык! Гнать их всех надо из института к чертовой матери, вот и вся любовь!

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила
г. Иваново.

А. КАРЕВ

К. АКИНЬШИН Загородная прогулка

К вылазке на природу мы готовились долго и основательно. Прежде всего раздобыли рюкзаки, подчиняясь распространенному предубеждению, будто ездить в лес с чемоданом, «авоськой» или с мешком просто неприлично. Затем опустошили все близлежащие магазины, уделяя основное внимание продукции, упакованной в бутылки. Вскоре ее набралось такое множество, что я указал компаньонам на нецелесообразность тащить стеклотару в такую даль, поскольку содержимое бутылок вполне можно перелить в желудки на месте. Приятели покачали головами и удивленно спросили, зачем же в таком случае ехать за город?

В воскресенье мы встали очень рано и все время почему-то спешили, как будто на лоно природы вход после третьего звонка запрещен.

Добираться от пригородной платформы до леса оказалось довольно утомительно: наша поклажа была не из легких.

Наконец мы облюбовали небольшую полянку, сбросили рюкзаки, облегченно вздохнули и вдруг... почувствовали, что не знаем, как вести себя на лоне природы.

Сергея нервно затянуло сигаретным дымом и сказал, что воздух изумительный.

— Сплошной озон,— подтвердил Мишка, доставая спички.

— Не туши,— попросил я, распечатывая пачку «Беломора».

— И птички поют,— тоскливо продолжал Сережа, стремясь направить разговор в соответствующее русло. Мы подтвердили наличие птичек и замолчали.

В полной растерянности Мишка полез в рюкзак и вытащил пару бутылок.

Мы выпили.

Мишка достал еще.

После этого на Сережу что-то нашло. Он встал в позу и сказал:

— Чем в принципе отличается город от девственной природы? Только плотностью населения. В городе нельзя плюнуть, не рискуя попасть на лысину своему ближнему. А здесь я могу без опасения бросать что угодно и куда угодно.

И в подтверждение своих слов он принялся азартно метать пустые бутылки в разные стороны. Выбросив на ветер 72 копейки (6 бутылок), а заодно и нераспечатанную бутылку с пивом (37 копеек), он вытер пот со лба и сел с таким видом, словно ожидал аплодисментов.

Но нам стало еще скучнее.

И тогда Мишка полез на дерево. Мы безучастно смотрели на его неуклюжие попытки. И только когда он упал с дерева и разорвал брюки, раздался жидкий смех. Смеялся я.

Мишка со злостью посмотрел на меня, но сказать ничего не успел. На полянку выскочила собака, а вслед за ней из-за кустов показался гражданин в пижамах. Заглушая собачий лай, он закричал:

— Что вы тут хулиганите? Безобразия!.. Зачем бросаете бутылки ко мне во двор?

— В какой двор?

— Вы что, ослепли, что ли? Убирайтесь отсюда, пока я милицию не позвал! — угрожающе сказал он и скрылся за деревьями.

Раздвинув кусты, мы прямо перед носом увидели дачу.

— Откуда она здесь взялась? — удивился Сережа.

— Построили, наверно,— догадался я.

— Всю природу изгадили! — сокрушенно сказал Сережа и в сердцах разбил бутылку о ствол березы.

— Даже отдохнуть негде трудящемуся человеку! — сварливо заметил Мишка.

Мы были оскорблены в своих лучших чувствах и с досады выпили. После этого нам ничего не оставалось, как отправиться в обратный путь.

В последнюю минуту кто-то из нас вспомнил, что все порядочные люди возвращаются из лесу с цветами. Но отыскать их среди груды консервных банок, газет и окурков не представлялось возможным, и мы удовлетворились березовыми вениками.

На следующий день мы проснулись со страшной головной болью. — Это от свежего воздуха и обилия впечатлений,— объяснил Мишка.

— Вряд ли,— усомнился Сережа.— По-моему, это от переутомления. У меня и сейчас ноги не слушаются.

Я промолчал, хотя теперь уж был твердо убежден, что горожанам вовсе нет нужды куда-то ехать, когда в городе есть отличные рестораны и закулочные.

Зависть

День проходит —
Федя Пенкин
Ставит галочку на стенке.
И грустит, ведя учет:
Время медленно течет.

Торс у юноши шикарный,
Легкость шага,
Свежесть щек.
Но — подумать кто бы мог! —
Вызывает зависть парня
Дядя Вася — старичок!

А завидовать чему тут!
Дядя Вася хил на вид.
У него радикулит,
Тонзиллит, тромбозит...
Поднимаюсь, он с минуту
На ступенечке стоит.

Но
Не знает дядя Вася
Ни работы, ни забот,
А ему
На счет в сберкассе
Каждый месяц — перевод!
(Поступает не с небес —
Присылает райсобес!)

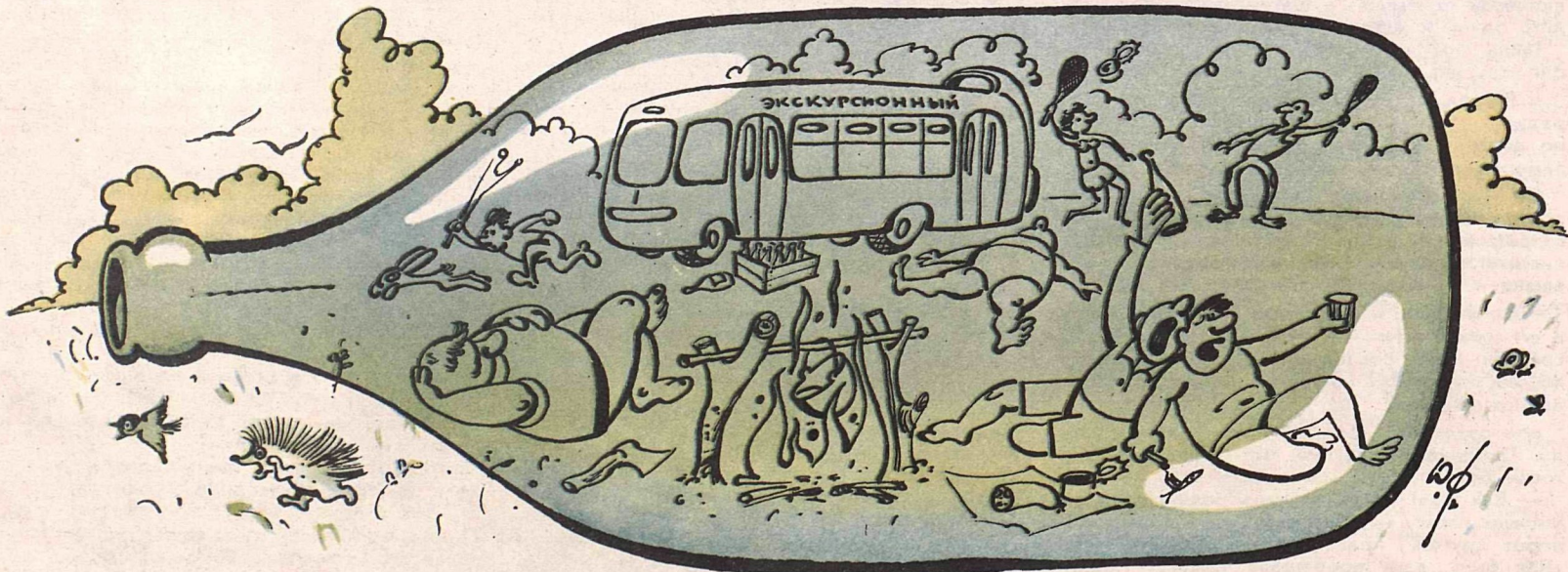
«Мне бы так!» — вздыхает
Пенкин,
Ставя галочки на стенке,
День за днем ведя учет.
Сколько времени осталось
Ждать до пенсии еще!

А осталось, скажем, малость:
Лишь... пятнадцать тысяч дней,
Или — если поточней —
Сорок с гаком лет труда —
Ерунда!

Дяди-Васин отдых
Потом,
Делом,
Жизнью заработан.
А юнцу противен труд.
Возраст свой на дяди-Васин
Хоть сейчас сменить согласен,
Пусть лишь пенсию дадут!

Зависть мелкая, а повод
Есть для зависти большой:
Дядя Вася духом молод,
Федя Пенкин стар душой!

Мих. ВЛАДИМОВ

Массовка вылилась в определенную форму...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Крах «ядерного гробовщика»

Три года назад жизнь лучезарно улыбалась Джеймсу Бирну. Скромный торговец из Ройял-Ока, что в штате Мичиган, стоял на пороге ослепительной карьеры. Было чему радоваться: у его конторы по продаже «практичных семейных бомбоубежищ со всеми удобствами» выстроились очереди, а в gross-бухах вырастали колонки доходов. «Семейные укрытия» стали модой. За короткий срок публика расхватала 200 тысяч патентованных пробов по тысяче долларов и выше.

Минуло всего три года. Сейчас Бирн фотографируется на фоне своих бомбоубежищ с руками, простертыми к небу от отчаяния. Что же такое произошло с беднягой?

Он разорился. Покупатели исчезли. Более половины готовой продукции намертво засохло на складах. После подписания Московского договора люди вздохнули спокойно, а у Бирна и прочих гробовщиков земля загудела под ногами.

— Шесть месяцев подряд мы вкалывали, как черти, — жалуется банкрот. — Мы возили действующие модели бомбоубежища в натуральную величину из одного торгового центра в другой. Мы показывали, убеждали покупателей, мы устроили роскошную рекламу, мы не жалели себя! И что же? Да ничего!

Как-то Бирн попробовал всучить одно бомбоубежище своему партнеру в гольф вместо проигрыва (хотя ставки в игре были в общем-то смехотворными по сравнению со стоимостью изделия). И что вы думаете: партнер Бирна начисто отверг лестное предложение, предпочтя твердую валюту.

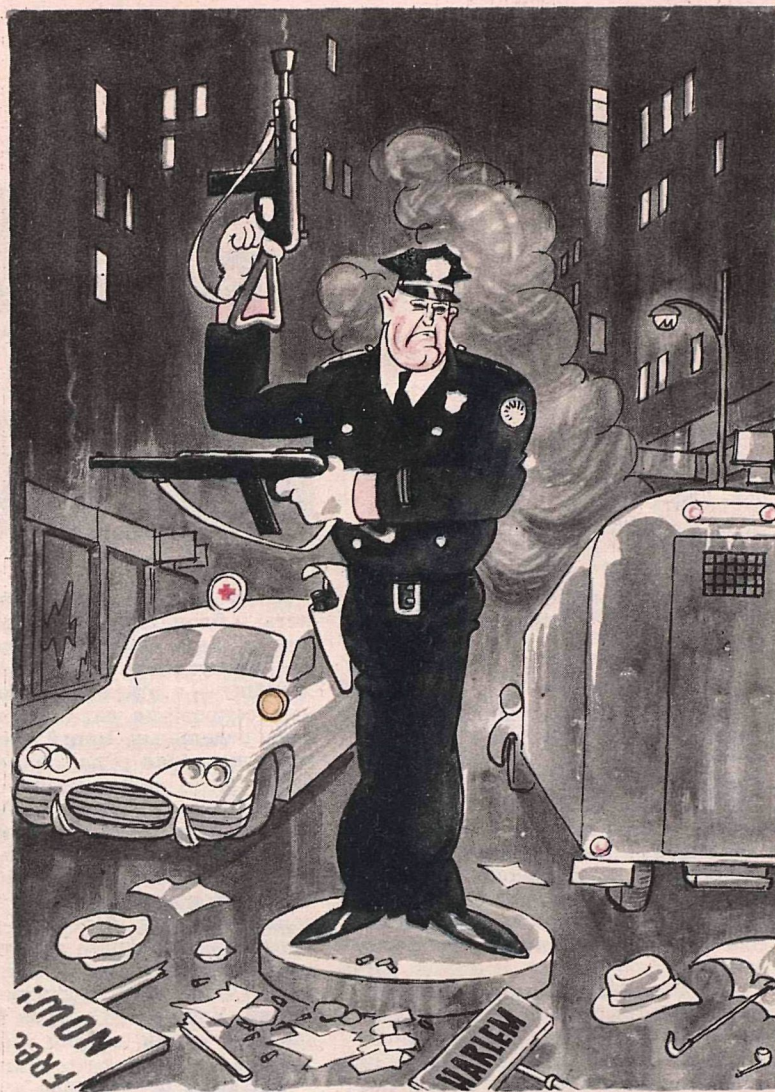
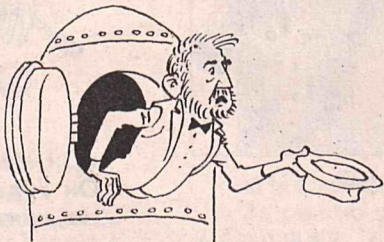
Бирн прибег к последнему средству, чтобы избавиться от дорогого груза. Он дал объявление в газету «Детройт фри пресс»:

«Сборные стальные ядерные бомбоубежища в прекрасном состоянии отдаю даром тому, кто согласен их вывезти со склада в разобранном виде и собрать самостоятельно в домашних условиях» (решил-таки сэкономить расчетливый дельце: хоть за сборку платить не придется).

И тут Бирна постиг последний удар. Несмотря на все его надежды, умирать «в домашних условиях» дураков не оказалось. Комфортабельные гробы даже даром никто не взял!

Как сообщает американский журнал «Ньюсуик», горе Бирна разделяют в Америке многие: «По всей стране маклеры, торговавшие домашними убежищами, стоят перед той же проблемой».

В. ВОЙНОВ

ГАРЛЕМСКИЙ РЕГУЛИРОВЩИК

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

СБОРЫ ОБЕСПЕЧЕНЫ

ГОЛЛИВУД. Студия «Мэрдер инкорпорэйтед» готовит новый фильм под названием «Как убить собственную жену». Авторы сценария и режиссер уже сейчас уверены в финансовом успехе фильма. На основании чего? «Ввиду широкого интереса к теме», утверждают они.

БДИТЕЛЬНЫЙ ПАСТОР

ЛОНДОН. Преподобный С. Е. Пулфорд написал в своем приходском журнале статью, в которой сообщил миру о «раскрытом лично им коммунистическом заговоре, ставящем себе целью ослабление белой расы путем смешанных браков между белыми и неграми».

Можно не сомневаться, что в ближайшее время пастор Пулфорд будет приглашен в штат Алабама в США. Там его с такими идеями наверняка сразу сделают епископом.

ПРИВЫЧНЫЙ ШУМ

АМБЕРГ (ФРГ). Городское управление Амберга обсуждало вопрос о «шуме танков на улицах города и жалобах жителей». Городской советник Беннер заявил что не понимает этих жалоб. По его словам, он сам, наоборот, не может заснуть, если не слышит шума танка.

Надо думать, что герр Беннер против разоружения: не страдать же ему от бессонницы...

КОМПЛЕКСНАЯ ЖИВОПИСЬ

НЬЮ-ЙОРК. Последняя мода среди нью-йоркских художников — обогащение картин звуковыми эффектами. Некто Марина Стерн выставила картину под названием «Страшный суд». На холсте изображен ангел с трубой. К картине прикреплена автомобильная сирена, которую посетители могут собственноручно включать и содрогаться от ужаса перед Страшным судом... Или перед таким «искусством»?

ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. Член западноберлинского сената Герман Оксфорд во время своей недавней поездки в США был избран в почетные полковники так называемой национальной гвардии штата Миссисипи, известной своим участием в подавлении негритянских демонстраций.

Должно быть, «национальная гвардия» хотела бы получить из первых рук информацию о концлагерях и душегубках...

КОРПУС ЖИРА

Некогда английский поэт Киплинг пожалел своих соотечественников-колонизаторов, назвав их тяжкий труд по усмирению непокорных племен «бременем белого человека». В наши дни народы освободившихся стран навсегда избавили колонизаторов от «бремени». Рыцарям хлыста и виселицы пришлось сдать атрибуты своей профессии в колониальные музеи или распродать их по дешевке молодчикам Салазара и Фервурда, которые никак не хотят разрешиться от этого «бремени».

«Времена меняются, а вместе с ними меняются и люди», — говорили древние. В том числе меняются и колонизаторы, или, точнее, меняются приемы колонизаторов.

О «бремени белого человека» заговорили теперь в Вашингтоне, порешив, что слаборазвитые страны необходимо в срочном порядке развивать.

Поначалу в помощь стратегическому корпусу армии США был сколочен небезызвестный «Корпус мира». Молодые неомиссионеры прошли отличную подготовку с помощью ЦРУ и за рекордно короткие сроки усвоили все правила обращения с оружием, приемы джигу-джитсу и тайнописи.

Недавно «бремя белого человека» решили взвалить на себя члены еще одного корпуса. Официально его окрестили «Корпусом бизнесменов», а неофициально «Корпусом жира», так как, помимо неоконизаторского бремени, его участники понесут в Африку еще и бремя своих холеных животов.

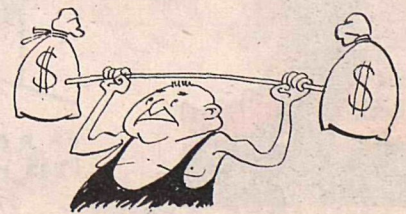
Как сообщает американская печать, «уже в конце 1965 года около пятисот бизнесменов, преимущественно из числа экс-директоров монополий и банков, отправятся в 30 стран, чтобы помочь местным промышленникам наладить управление производством».

А пока бизнесмены-энтузиасты сбрасывают излишний жирок, готовясь нести долларовую веру аборигенам. Они учатся преодолевать таможенные барьеры, улетать от налогов и выжимать рекордные прибыли из запрещенных капиталовложений.

На подготовку разведчиков новых рынков большой бизнес Америки не скупились. Каждый член корпуса получит за «обременение» довольно жирный куш — десять тысяч долларов в год. Бизнесмены считают, что расходы окупятся с лихвой — сотни лет колониальной практики показали, что «развивать» слаборазвитых очень выгодно.

Между прочим, многие освободившиеся страны это тоже понимают. И вежливо отказывают членам корпуса в визах, избавляя от «бремени» их и прежде всего самих себя.

В. ЧИРКОВ

Поинтересуйтесь в любой московской творческой организации, как обстоит дело с литературно-художественным освоением острова Сахалин. Ручаюсь, вам ответят:

— Превосходно! На Сахалин выезжает немало художников слова. Они не подкачают. Вот и сейчас на острове есть московские писатели. А режиссер Згуриди снимает фильм «Зачарованные острова».

И это чистая правда. Писатели есть, и по Курильской гряде бродят, напуганные величием пейзажа и подземными точками, директор и оператор фильма. Прилетают корреспонденты в пальто на подкладке из блокнотов. Но что мы все вывезем отсюда?

Сахалинец знает, что мы вывезем. Он привык к тому, что всякий залетный труженик пера интересуется в основном котиками на Командорах.

И Анатолий Иванович Овечкин, зампредоблисполкома, у которого я выклянчиваю бронированный билет, говорит:

— Ну зачем вам на Командоры? Почему вы все пишете только про котиков? Из-за этого на материке мало знают о Сахалине. Будто это настолько глухомань, что слухи к нам доходят в таком виде: «Бондарчук снимает фильм «Война и мир». На роль Пьера Безухова приглашен известный тяжелоатлет чемпион мира и Олимпийских игр Юрий Власов». А это неправда. У нас, позвольте заметить, новости такие же свежие, как в Москве. Кстати, вот заканчиваем третий Черемушки. Почему не хотите писать про это?

И в соседнем доме секретарь обкома Терентий Петрович Селявский убеждает очередного писателя отворачиваться от котиков.

— Товарищ писатель, — нацеливает секретарь обкома, — а у нас тянут с острова на материк вторую нитку нефтепровода. Вы бы отобразили, а? Знаете, только что добытую нефть можно заливать в бак мотоцикла. Вот какая нефть!

— А шаманы? — нервничает писатель. — Обряды?

— В Ногликах еще что-то есть. Только нам важнее про нефть, товарищ писатель. Сделаете?

Но писатель уже убегает. Он бежит по широкому проспекту, и у него такое чувство, будто его обокрали.

— А еще Сахалин! — шепчет он с

одышкой. — Последнее место было, и то испортили. Асфальт! Лоджии! Докатились: шаманы только в Ногликах. Прямо какой-то Ленинград!

И он мчится на север острова в рельсовой автомотрисе (европейская скорость), потом он летит на самолете (международный комфорт). Это очень непродуктивно — разыскивать шаманов на самолете. Сахалин велик, приходится долго лететь.

* * *

Если жители княжества Монако захотят построить два теннисных корта, им не останется ничего другого, как объявить войну Франции. Объявить войну и оттяпать нужную территорию. Иного пути нет, так как в княжестве нет свободной земли даже для установки аппарата, торгующего газировкой без сиропа. А с сиропом — тем более.

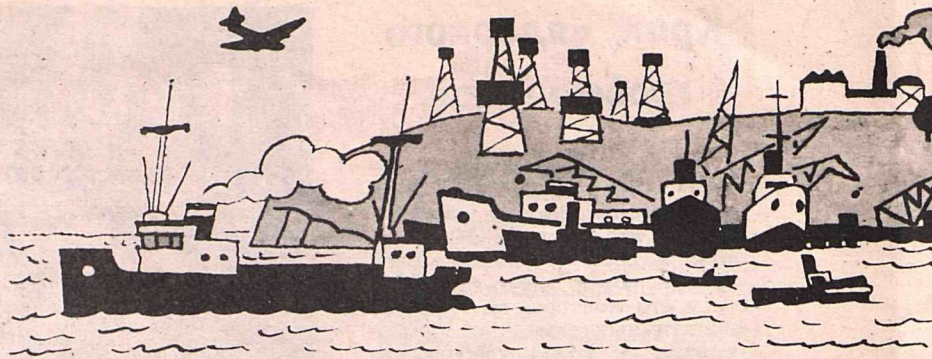
Сахалинцам же земли не занимать. Остров велик. И если вы хотите знать, что это такое, то садитесь на поезд в Калуге и поезжайте в Одессу. Это все равно, что съездить из Охи в Южно-Сахалинск, даже совпадают географические широты.

В Вологодской области жители «окают». В Московской — «акают». К великой жалости сахалинцев, их область еще не успела обзавестись собственным акцентом: слишком молодая.

Прибалтийцы высоки и белобрысы. Сибиряки коренасты и кудрявы. А Сахалин молод, там еще не успел сложиться характерный тип островитянина. Может, это будет кудрявый блондин (Вася Анисимов, вчерашний курский строитель). А может, это будет стройный брюнет (молдаванин, матрос Григорий Сокур). Пока трудно сказать.

Но, во всяком случае, это будет веселый, добрый и сильный человек. И если он на сейнере попадет в сплошные ледяные поля, где о рыбалке и думать нечего, он не скиснет и тут. Он развернет сейнер на месте, как это делает команда «Курильска», и возьмет полный трал рыбы в незавидной польные.

Когда-то каторжане говорили о Сахалине: «Кругом вода, в середине беда». И точка. Ничего, кроме

ЗЕМЛЯ, ГДЕ НАМ

А вот пришли сегодняшние брюнеты и блондины. Они взяли Сахалин в руки, как шкатулку, поколдовали чуть над замком, откинули крышку — и открылись удивительные сокровища сахалинских недр и сопредельных морей: нефть, золото, железная руда, полиметаллы, уголь, лес, киты, крабы, десятки видов промысловых рыб, котик, калан, сивучи — морской зверь.

Говорят, что статистика — скучная вещь. Но для английской делают исключение, считая ее веселой. Ну хотя бы это: каждый пятый сумасшедший в Англии выдает себя за Шекспира. Но поскорее за советской статистикой, читатель. Узнай, что остров Сахалин дает за сутки стране

610 тонн целлюлозы,
550 тонн бумаги,
65 тонн картона,
14 тысяч тонн угля,
11 тысяч кубометров древесины,
107 тысяч банок консервов.

Дальше не будем, читатель. Извини, веселей ничего нет.

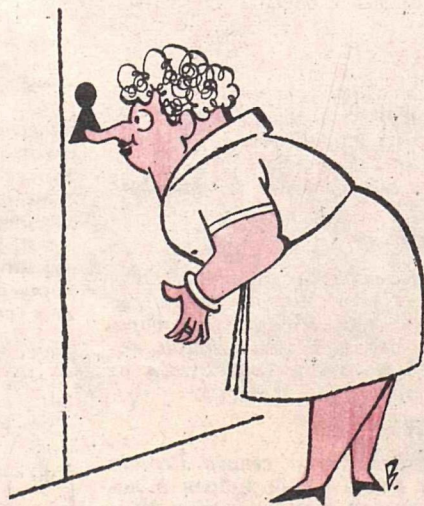
* * *

Гордецы и задиры, сахалинцы хотя и лелеют свою землю. Нарядны, необычайно зелены их города. Орех Зиболяда и можжевельник Сарджента питают воздух парикмахерской свежестью, убивают вредоносные бактерии. Этим орлиным воздухом дышат островитяне,

люди, одетые никак не в рогожу и дерюжку. Сахалинец много ездит по стране, он видал виды. Все колдовские тайны портновской иголки ему известны. Он регулирует размеры вытачек и пройм в строгом соответствии с Европой, законодательницей мод. Сахалинцы разбираются в искусстве. И совсем не верят в бога. Первая в СССР цельном не верующая область! Церкви здесь нет. Если на Сахалине и поклоняются чему-нибудь, так это книге. За книгой идет невиданная охота. Охотятся в городах Чехове, Долинске, Макарове, Поронайске.

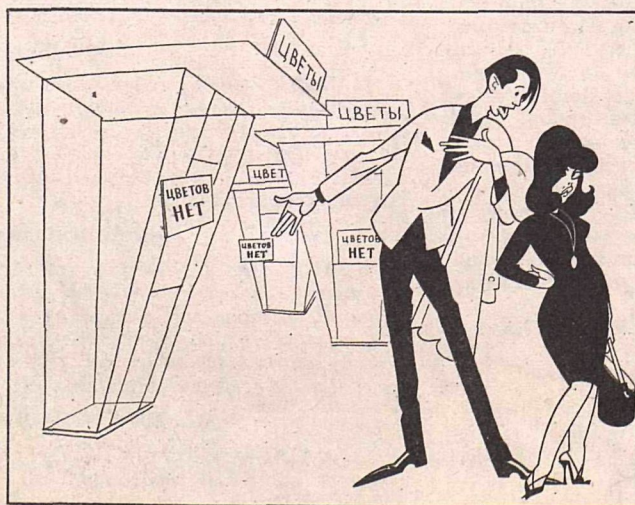
Грубо втираясь в доверие к продавцам, книжники узнают: завтра будет самолет с литературой. Пикеты библиофилов всю ночь стоят на семи ветрах. Утром они сшибаются возле книжных полок — и уходят с пустыми руками, злые, резкие в словах и жестах. Да, полки ломаются от книг, но названий всего три: «Некоторые вопросы пчелиной генетики», «Уборка хлопка комбайнами» и книга для эстетов — «Изменение электрокардиограммы во время митральной комиссуротомии».

И слабые сдаются. Они бредут домой заглушить тоску музыкой. Они выворачивают вариаторы патефонов и радиол на полную катушку. Но пластинок, оказывается, тоже не завезли, и весь Сахалин ставит одну. Сто тысяч радиоприборов, подпрыгивая от электромузыки, орут:

«А я все гляжу, Глаз не отвожу...»

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

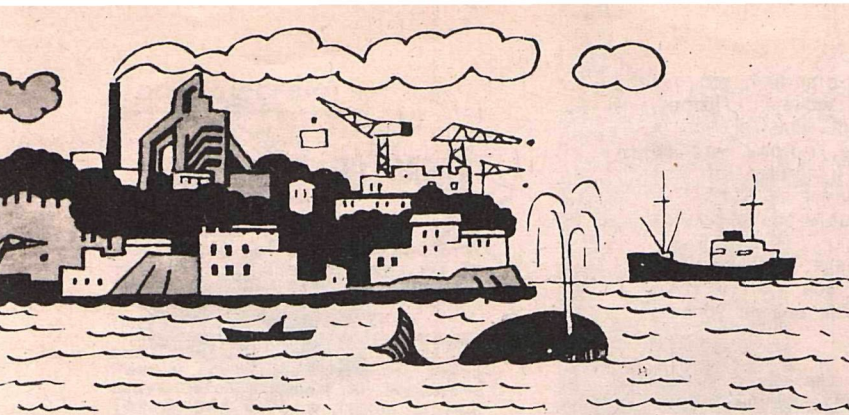
«Ты не думай, что я невнимательный, Что цветы не бросаю к ногам...»

Рисунок А. КРЫЛОВА

«Он мрачнел, Он худел, Но никто ему по-дру...»

Рисунок Г...

НАЧИНАЕТСЯ УТРО

— Бабушка, отложите вязанье, хочу танцевать чарльстон!
И бабушки откладывают вязанье. Они идут заявить в милицию, чтобы прекратили это безобразие. Хорошо еще, что Сахалин молод и тут мало бабушек. Однако, идя на встречу и этому меньшинству, горлопалкомы приравняли громкое включение музыки к гаданию на тартах и по линиям руки. Штраф дин и тот же. Но все равно с каждого подоконника изнывает певичка:
— Ну, давай, бабушка, давай, давай!
Что там штраф! На Сахалине высокие зарплаты. Люди могут себе позволить.
Очень необходимы острову книги. Не то — станцуется.

Но вечер кончился. Прошла ночь. Остров подымается на рагу: угольщики Углегорска, нефтяники Охи, Катангли, бумажники Хово, Холмска, полеводы Краснопольской долины, рыбаки. Идут строители, большой отряд. Сахалин строит много. Недаром областной выставке детского рисунка каждый четвертый рисунок обязательно с подъемным краном. И новый Сахалин — это действительно какой-то Ленинград. Потому что над всеми стройками шефствуют ленинградцы. Остров объявил войну хижинам, дворцам. Здесь растут города

социалистической застройки и планировки: без предместий.

В портах оживают стальные аисты — подъемные краны. Портювые парни, блестя глазами, снуют по трапам, и иностранные капитаны грустно прикидывают, что опять придется выплачивать порту диспач — вознаграждение за досрочную погрузку и разгрузку.

И наверняка придется, а потом довольные портовые парни пойдут по домам, и их будет встречать на порсе последний береговой туеядец Сахалина и охотник дармовой выпивки — бесхозный козел Силантий. Полупыльное и неопрятное это животное бежит за моряками и лъстиво трясет бородой. И моряки дают козлу пива и дают воблы с хлебом, как последнему паразиту. Козел Силантий — единственный, кого не перевозили портовые рабочие. Но козла все равно любят, и к зиме ему соберут по копейке, чтобы осколок проклятого прошлого мог зимовать в теплом стойле у боцманской вдовы. Козла сохраняют, берегут как последнее напоминание о былом Сахалине, где резвились калымычки.

Теперь их время кончилось. Коренной народ на острове уже не зазывает кого попало, и не подумайте, будто озеро Сладкое специально названо Сладким, чтобы заманивать простаков. Сюда никого не заманивают. Остров стал привередой: теперь он берет людей трижды с разбором, хороших

людей. И потому совсем зачухла песня «Бежал бродяга с Сахалина». Бежать отсюда ни к чему: от добра добра не ищут.

Ведой стало другое: всесоюзный бродяга бежит на Сахалин. Начитавшись плохих книжек, он бежит и думает, что найдет здесь деэтергирскую глушь, построит вигвам на островах Черные Братья, сошьет галифе из морского бобра, и поймает форель в водопаде Волосы Красавицы, и будет запивать ее чаем, заваренным в озере Понто, что кипит в кратере вулкана Томари. Он так думает, но исполнительный лист алиментника приходит сюда из Харькова уже на пятые сутки. И под высоким небом раздаются стенания.

— В конце концов это подло! — кричит бродяга, обдаваемый тихоокеанскими брызгами. — Нельзя находить на краю земли через пять дней! Такая была укромная глубинка — и не стало!

Это правда. Не стало. А уж была!.. Была дремучая каторга. Было людоедство в 1905 году. Была русско-японская война с награждениями царской медалью «Да вознесет бог в свое время!»¹ и кретинизмом генерала Куропаткина:

СОЛДАТ, ПОМНИ: САМЫХ СМЕЛЫХ ХОРОНИМ В ГРОБАХ!

Но не стало ни того, ни другого, ни третьего. От каторжного Сахалина остались только списки каторжан. И в той же книге, где записаны международный авантюрист корнет Савин и Соня Золотая Ручка, есть фамилия человека, с которого начался новый Сахалин: «Емельян Золотов, полит.»

Сегодня мэром города Александровска, бывшей столицы каторги, работает коммунист Николай Емельянович Золотов, сын того самого «полита». Не котиками, не манто и шаманством примечателен сегодняшний Сахалин, а такими людьми, как Золотов.

И кстати, о шаманстве. В на-

¹ Такая медаль действительно была. Генерал Куропаткин придумал текст для нее: «Да вознесет бог!» — и послал на рассмотрение царю. Царь получил бумагу, но рассмотреть все никак не успевал и наложил резолюцию: «В свое время». Бумага осталась на столе, и чиновники приняли резолюцию самодержца за гениальное продолжение текста. Так медаль и отчеканили.

дежде сочинить занимательное чтение литературный старатель приезжает — таки в Ноглики. И большая удача выпадает ему. Лунной ночью, в глухой совиный час, в Ногликах полыхают языческие костры и волосатые люди в экстазе прыгают через пламя. Здесь можно взять реванш за этот насквозь ленинградский Сахалин, разродиться экзотической прозой.

И писатель кричит, делая языковый шаг в народ:

— Однако, Кешка, ходи сюда! Мало-мало кончай шаманить, будем делать художественную литературу. Твой фамилий Нянгих?

— Нет, моя фамилия Струмскис.

— Ты дурить, да? Не ври чего-чего!

Но человек, который прыгает через огонь, не врет. Это — недостойное занятие для отца пятерых детей. Он правда Струмскис, ювелир из Таллина. А вон тот, что, поддерживая животики, разбегается и прыгает через пламя, — директор механического завода из Челябинска. И здесь происходит не шаманское камлание, а ежегодный традиционный обряд сжигания костылей после лечения на источнике в Ногликах.

В 1930 году летчик Водопьянов совершил героический перелет по трассе Хабаровск — Александровск. Полет длился 5 суток. На трассе было 50 посадочных площадок. И взрослые сахалинцы ликовали тогда, как дети.

А в 1964 году пассажиры летят до Москвы двенадцать часов с одной посадкой.

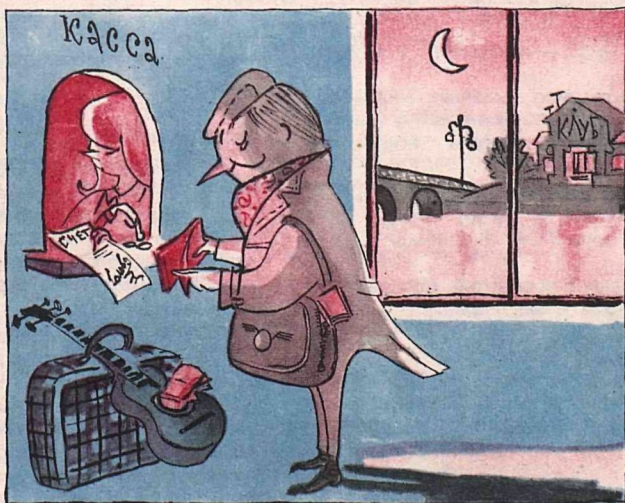
И вот над Татарским проливом, где сто лет назад барахтался в волнах шлюп «Авось», гремит слаженный квартал моторов. Аэрогигант «ИЛ-18», летающий по прямой трассе Южно-Сахалинск — Москва, набирает высоту. Он будет лететь быстро, как время, и, вылетев на закате из Южно-Сахалинска, он на закате того же дня приземлится в Москве. Так что, если дело происходит в субботу, вполне можно успеть на большое гулянье в Центральном парке культуры и отдыха.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила.

Остров Сахалин.

«Ужески не спел...»
А. АНДРИАНОВА

«Пел не даром за рекою,
За рекою соловей...»

Рисунок М. БИТНОГО

«Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!»

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Когда я прохожу мимо какой-нибудь мастерской, где шьют одеяла, я вспоминаю своего дядю.

Хорошо, если человек имеет брата, и не для того, чтобы было больше людей на свете (людей много, но не все люди — братья), а потому хорошо, что человек может иметь настоящего брата.

Когда мой отец умер, его брат пришел за мной, взял за руку и отвел в свой дом. В передней части дома, окнами на улицу, была его мастерская, он стегал там одеяла. Я любил сидеть рядом с ним и смотреть, как он работает. Стежок за стежком, стежок за стежком.

Однажды я спросил его, как он стал стегальщиком. Он сказал, что был бы поэтом, если бы тетя не убила в нем поэта.

— Как убила? — поразился я. — Неужели взяла пистолет и выстрелила?

— Не совсем так, — ответил дядя. — Есть много способов убивать поэта в человеке. Твоя тетя не стреляла.

Я немедленно побежал к тете.

— Он говорит, — выпалил я, — что ты в нем убила поэта.

— Может быть, и так, — сказала тетя, — но я целилась не в поэта, а в пьяницу, который, к сожалению, остался жив.

Я рассказал это дяде, и он целый день улыбался.

В то время я впервые несчастливо влюбился. Мне было немногим больше тринадцати лет. Девочка была еще моложе. Это была дочка аптекаря с нашей улицы.

Когда она была маленькая, у нее были самые большие куклы, потом у нее появились самые красивые платья. И всегда у нее были самые красивые черные глаза. Мы с ней всегда играли вместе. Но со временем она начала меня избегать. Однажды я встретил ее на улице и решил спросить: почему она начала меня избе-

гать? Ведь я ее люблю! Она ответила, что она меня не любит. Я спросил, почему. Потому, сказала она, что я нехороший мальчик, что я вечно хожу в одной рубашке, потому, что ее папа говорит, что я грязнуля, и потому, что мой дядя шьет одеяла, — вот почему!

Я сразу возненавидел ее отца и все рассказал дяде.

— Бог мой! — воскликнул дядя, всплеснув руками. — Она начала убивать в тебе поэта. — И он с грустью сообщил тете: — Они начали убивать в нем поэта.

— Кто? — спросила тетя.

— Аптекарская дочь. Она сказала ему, что он плохой мальчик, что ходит в одной рубашке, что он грязнуля, а я одеяльный мастер.

Тетя побледнела от злости и сжала губы.

— Завтра пойдешь со мной в город. Я куплю тебе новую рубашку.

— Ты шьешь одеяла и для ее отца? — спросил я дядю.

— Шью. А что? — спросил он.

— Я не люблю ее отца, — сказал я. — Мог бы ты зарабатывать на хлеб, обходясь без ее отца?

Дядя немного подумал.

— Думаю, что мог бы.

— Ты перестанешь шить для него одеяла?

— Думаю, да, — ответил дядя.

Наутро, встретив девочку, я бросил ей в лицо:

— Мой дядя не будет больше шить одеяла для твоего отца.

Я ходил за ней и беспрерывно повторял одно и то же. Она была бледная от злости и ничего не отвечала.

После полудня к нам пришел сам аптекарь, ведя дочь за руку.

— Дочь сказала мне, — обратился он к дяде, — что вы больше не будете шить одеяла для меня. Она волнуется, а ваш племянник преследует ее. Скажите, прошу вас, мальчику, что это шутка и вы будете шить одеяла для меня.

Девочка смотрела на меня насмешливо. Я думал, что умру, если дядя скажет, что будет шить для него. Наконец дядя ответил:

— Нет, господин аптекарь, я больше не буду шить одеяла для вас.

Аптекарь ушел злой. Девочка плакала. Тетя купила мне новую рубашку.

...И сегодня, когда я перебираю все доброе и плохое, что было в моей жизни, мне кажется, что это была самая большая моя победа и что только благодаря этому аптекарь и девочка не убили во мне поэта. Поэта, который живет в каждом человеке и которого другие люди иногда хотят в нем убить.

Брана ЦРНЦЕВИЧ

Некоторые люди считают, что в жизни юмористы обязательно должны быть неунывающими весельчачками. Другие, наоборот, подозревают в них тайных меланхоликов. Югославский юморист Брана Црнцевич, заместитель главного редактора белградского журнала «Еж», недавно гостивший в нашей стране, не принадлежит ни к первой, ни ко второй категории. Он бывает то веселым, то лиричным, то грустным. Как, впрочем, и его рассказы.

Туфельки

Птицы сходили с ума от восторга: они парили, поджав крылья, в чистой голубизне неба, падали камнем к земле и снова взлетали, оглашая мир радостным чириканьем. Таким был этот день.

Люди гуляют по залитым солнечными лучами улицам. Одни идут с детьми (мы не пойдём за ними), другие вышли на улицу, чтобы купить зубную пасту (их мы тоже не будем сопровождать), третьи несут цветы туда, где весело и шумно (мы также не пойдём с ними на день рождения).

Человек, чья судьба нас интересует, в этот момент спускается с лестницы и прямоком входит в наш рассказ. Он держит руки в карманах. В каждом кармане у него лежит по одной женской туфельке. Это последняя реликвия, оставшаяся ему от женщины, которая ушла от него. Он дотрагивается до туфелек, и тогда где-то в глубине его сознания возникает мелодия — печальная мелодия любви.

...За маленьким черным роялем сидит маленький черный пианист, он неторопливо играет мелодию Шопена...

Итак, туфли — вот все, что осталось от брака по любви. Человек направляется к Дунаю, чтобы бросить их в воду, но ему жалко рас-

статься с ними, он колеблется. Он входит в кафе. Зал пуст: кроме него и кельнера, ни души. Ему хочется в последний раз посмотреть на туфли, и он ставит их перед собой на столик. Это скромные, чуть ношенные вечерние туфельки. Но они много говорят его сердцу, и человек не может оторвать от них взгляда. Раздумье прерывает кельнер.

— Вы продаете эти туфли? — спрашивает он.

— Нет. Брошу их в Дунай.

— Вы шутите? — спрашивает кельнер.

— Нет, друг. Я далек от шуток. Несколько дней назад моя жена вышла из этих туфель, чтобы никогда больше не вернуться. Я иду бросить их в Дунай.

— Она ушла от вас? — догадывается наконец собеседник.

— Ушла, — меланхолично отвечает человек.

— Вы пробовали дать объявление? — участливо спрашивает кельнер. — Иногда получается. Жена подумает и вернется.

— Этот случай не для объявления.

Он смотрит на туфли, и ругает себя, и всем сердцем зовет ее вернуться. Вернуться в свои туфли.

Только что вошедший посетитель направляется к столику, на котором стоят туфли.

— Вы продаете туфли, господин? — с ходу спрашивает он.

— Нет, — отвечает кельнер. — Господин покинула жена, и он несет туфли, чтобы кинуть их в Дунай. Я советовал ему вызвать жену объявлением, но господин считает, что его случай не для объявления.

— Когда она вас бросила? — спрашивает новый собеседник.

— Неделю назад.

— Значит, крепко вас зацепило, дружище. В аналогичной ситуации я не мог войти в свой дом

целый месяц. Ничего не говорите! Знаю, знаю, вам сейчас очень плохо.

Брошенный муж с туфлями жалуется добрым людям:

— Она была нежна и обаятельна. Мне кажется, что в мире нет женщины с такой маленькой ножкой. Вот она ушла, и туфли опустились...

— Простите, кто виноват в разрыве?

— Разве женщина с такой ножкой может быть виновата? Виноват я. Она была хорошей женщиной.

— Господин продает туфли? — спрашивает новый посетитель маленького кафе.

— Нет, — отвечает кельнер. — На повестке дня трагедия. Господина по его вине бросила жена. Он несет туфли, чтобы бросить их в Дунай. Ему опротивела жизнь. Жена господина была удивительной женщиной. Посмотрите только на эти туфельки. Нигде в мире нет такой маленькой ножки!

— Вы продаете туфли? — С этим вопросом к столику подходит еще один клиент.

— Тссс, люди!.. Тише! Человек страдает, а вы лезете ему в душу и мешаете грустить. Господин покинула жена по его вине. Ему невыносимо тяжело смотреть на туфли. Он хочет бросить их в Дунай.

К столику под руку с молодым человеком подходит девушка.

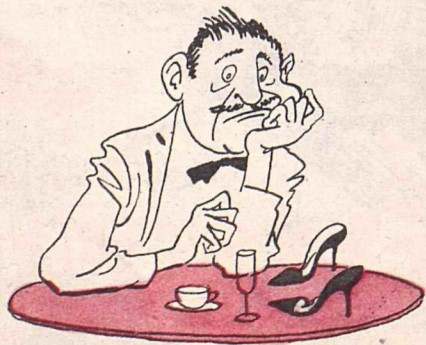
— Вы продаете туфли? — спрашивает она. — Какой это номер?

— Ее интересует номер, — презрительно говорит кто-то из присутствующих. — Губят людей и еще интересуются номером. Человек здесь страдает, девушка. И мы страдаем вместе с ним. А вы не вмешивайтесь!

Девушка сконфуженно удаляется.

Между тем владелец туфель, окруженный большой толпой, уже забыл, зачем он пришел в это кафе и куда он направлялся. Он не обращает внимания на дружеские похлопывания по спине и сочувственные реплики утешителей. Он слушает музыку, которую исполняет маленький черный пианист на маленьком черном рояле. Он слушает грустную мелодию своей души...

Перевела с сербохорватского Я. КУНИНА.

Рекс ведет по следу

Со склада потребительской операции в Гродно неожиданно исчезло 344 бутылки коньяку, 93 бутылки шампанского, 156 килограммов воблы и 27 бочек растительного масла.

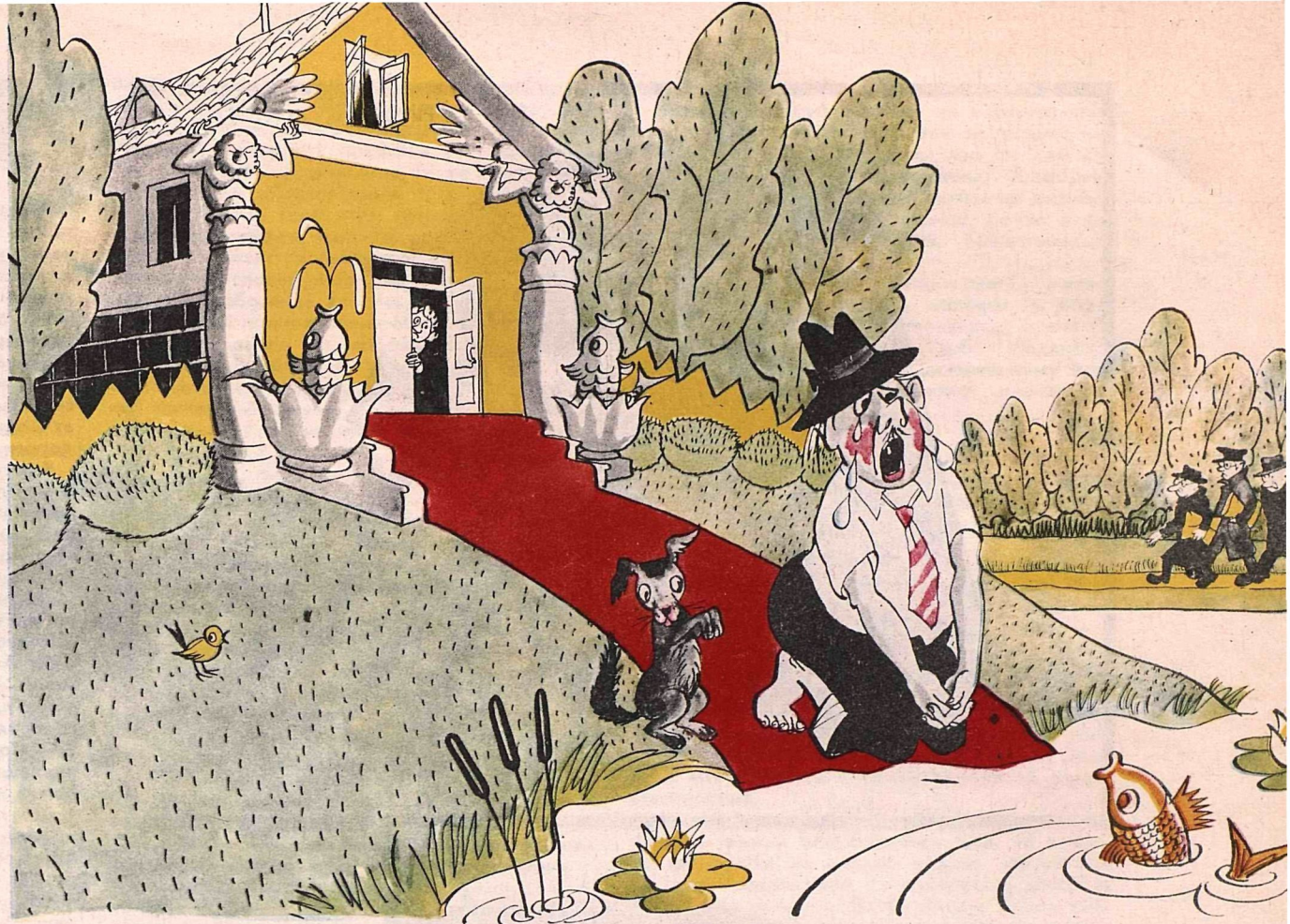
К месту загадочного происшествия прибыла служебная собака Рекс и сразу же бросилась на заведующего складом Ю. Куцевича. Тот ударил себя в грудь и признался, что коньячок постепенно распил в компании с кладовщиком. Воблой закусывали, а шампанским опохмелялись. Оставалось выяснить судьбу растительного масла. Умный Рекс повел следователя по гродненским магазинам. Причем лишь по тем магазинам, через которые разворованное Куцевичем масло сбывалось в качестве «левого» товара.

На какую же сумму нанес Куцевич ущерб родимой своей кооперации? В ответ Рекс пролаял четырнадцать раз, а это значило, что набезало убытков на 14 406 рублей с копейками.

Далее выяснилось, что Куцевич прежде работал грузчиком и получил на этом поприще два выговора за пьянство и нарушение трудовой дисциплины. Естественно, следователя заинтересовало: почему же пьянчугу сделали заведующим складом, доверили ему большие ценности? Но Рекс только скулил, поджимал хвост и ничего не мог ответить. Вдруг он натянул поводок, помчался вперед и с радостным гавканьем остановился у кабинета председателя областного правления кооперации Павла Ивановича Осаулка.

В общем, хватит приставать и овчарке! Лучше пусть Павел Иванович ответит: по каким признакам подбирают в кооперации работников складов?

Е. Ш.

— Государыня золотая рыбка, преврати мою дачу в разбитое корыто! На полчаса, пока пройдет комиссия...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Капитан гвардии Людовика XIV граф де ля Руж из последних сил цепился в подоконник, но маркиз де Сантос, сторонник кардинала Мазарини, поднатужился и выкинул капитана ю второго этажа Луврского дворца. Плача от обиды, граф взобрался на вороноге коня и, преследуемый насмешливыми выкриками маркиза, поехал домой. Там он собрал сыновей и сказал им:

— Дети мои, скоро я, наверно, умру. Слушайте мою последнюю волю. Душа моя не успокоится до тех пор, пока последний из рода проклятого де Сантоса публично не попросит прощения за наглое поведение своего предка. Вопросов нет? Выполняйте!

Сыновья пристегнули шпаги и деловито развезались.

Это было не простое задание. Гордые потомки де Сантоса, разнужав о решении графа, поудрились в разные страны. Неумолимые исполнители капитанской воли гонялись за ними, забросив все хозяйственные дела. За хлопотами и не заметили, как прошло триста лет. Очередной капитанский наследник раскопал адрес последнего нераскаившегося потомка маркиза. Судьба забросила де Сантоса в Москву, на Главную улицу, дом 17.

Стояло жаркое лето. Выйдя на площадь Белорусского вокзала, граф прежде всего воздел руки к небу и воскликнул:

— Потерпи еще немного, капитан! Скоро ты будешь отмщен!

Небо, как положено, разверзлось. В ослепительном сиянии показался старый капитан гвардии. Он величаво произнес:

— Благословляю тебя, сын мой, на подвиг!

ТРИСТА ЛЕТ СПУСТЯ

Видение исчезло. На всякий случай спрятав шпагу под плащ, граф подошел к милиционеру.

— Месье, где у вас Главная улица?

— Улица Горького? Да вот она, за аптекой.

— Месье, почему Горького? Мне нужна именно Главная улица.

Милиционер уткнулся в справочник.

«Вот так милиция, — подумал граф, — не знать самой Главной улицы!»

— Есть такая, — сказал наконец милиционер. — Главная улица есть в Бирюлеве, Владыкине, Мазилове, Щитникове... Которую вам?

«Oго!» — подумал граф.

На всех Главных улицах побывал в поисках де Сантоса дотошный граф, но его ждала неудача.

— Знаю такого, — сказал дворник, бодро шаркавший метлой по Главной улице, — тут он и жил, в моем доме. Десантов Шарль Луевич, точно.

— Как так жил? — с волнением переспросил граф. — Что же он, умер?

— Что ты, родной, — успокоил его дворник, — не бойсь, жив он. На новую квартиру переехал. Вот адреса не оставил. Ну да этому легко помочь: знаю я, где он работает. Пиши: улица Пушкина, 5.

— Мерси! — в восторге воскликнул граф. — О рвуар, мон шер ами! «Улицу Пушкина я знаю, — радостно соображал он, догоняя трам-

вай. — Там еще в гостинице «Урал» никогда номера не допросишься».

Моросил мелкий осенний дождик.

— Вот вы сами путаете, гражданин, — сказала дама из жэка. — У нас же Пушкинская улица, а не улица Пушкина.

— Мадам, не смейтесь над иностранцем, — взмолился граф. — Ну, посудите сами: не все ли равно как сказать — королевская гвардия или гвардия короля?

— Насчет королей не знаю. Короли да цари у нас давно повывелись, — дипломатично ответила дама. — А Пушкина и Пушкинская — это большая разница. Пушкинские улицы, кроме нашей, есть еще в Бабушкине, Люблине, Ново-Гирееве. А улицы Пушкина, наоборот, в Перове, Бирюлеве, Ново-Ховрине и еще где-то, не помню. Вот прямо туда и направляйтесь.

— Был, был такой Десантов, был, — сказал начальник отдела кадров. — Только он у нас больше не работает: перешел куда-то ближе к своему дому. Адрес? Да, конечно, остался. Минуточку. Вот: Проектируемый проезд, 2, квартира 37. Добро-го здоровычка.

Крупные хлопья снега тихо падали на асфальт.

Закутавшись в плащ «болонья» и стуча зубами, граф уныло тащился по очередному Проектируемому проезду.

— Опять не тот, — угрюмо шептал он. — Который же это по счету? Двенадцатый, кажется. И все в одном только Краснопресненском районе. А есть еще, — он заглянул в записную книжку, — в Киевском, Ленинградском, Куйбышевском. Горе мне! Помоги, мой прародитель!

Небо разверзлось во второй раз. Выглянул капитан гвардии.

— Сын мой, — печально сказал он. — А ты еще не был в Ждановском районе. Может быть, это там?

— Да нет, — махнул рукой граф. — Там не Проектируемый, а Проектированный проезд.

— Правда? — удивился капитан. — А разве не все равно?

— Не расстраивай меня, — устало сказал граф. — Тебе там хорошо, на небе. Попробовал бы сам походить. Смотри, ботфорты на что похожи стали!

Предок, конфузливо пряча глаза, исчез.

На деревьях появились клейкие листочки. Люди радовались весеннему солнышку. И лишь один человек плелся, ни на кого не глядя. Только шлепали отставшие подошвы да брякала о тротуар шпага. Вдруг он остановился, поднял голову и прохрипел:

— Прародитель!

В третий раз разверзлось небо.

— Ладно, молчи уж! — жмуро сказал капитан. — Освобождаю тебя от обета.

— От всей души благодарю тебя! — сквозь слезы произнес страдалец. — Погоди, не исчезай! У меня есть еще одно дело. Ты случайно не знаешь, где заседает комиссия Моссовета по наименованию улиц Москвы?

И он попробовал пальцем острие своей шпаги.

С. СПАСКИЙ

Школа со строительным уклоном.

ВИЗИТ К

Человеческий организм не железный. Хотелось бы, конечно, чтобы он был из более надежного материала и в случае нужды поддавался переплавке. А так с ним одни неприятности. Ни с того ни с сего происходит, скажем, опущение желудка, как это случилось недавно с автором данных строк.

Сначала я не испугался. От соседки Клавдии Григорьевны я давно знал, что апрельским медом можно вылечить все болезни. Но от меда лучше не стало. И даже начались судороги.

Выручила меня наша лифтерша тетя Даша. — Плюньте на докторов, — сказала она, — и поезжайте в Башкирию к одному старичку. Мне оттуда сноха писала, что он настоящий колдун: все болезни тайным словом снимает. Только его поспасивать надо.

«Именно к колдуну, — думал я, садясь в серебристый лайнер. — Именно поспасивать!» Последние пять километров до села Гордеевки Альшеевского управления, где жил знаменитый старик, я проделал пешком.

— Где тут Петр Яковлевич Васильев? — спросил я, вбежав в деревню.

— Колдун, что ли? — уточнили колхозники, курившие «Казбек» на замшевом бревне. — Вон в том доме с антенной...

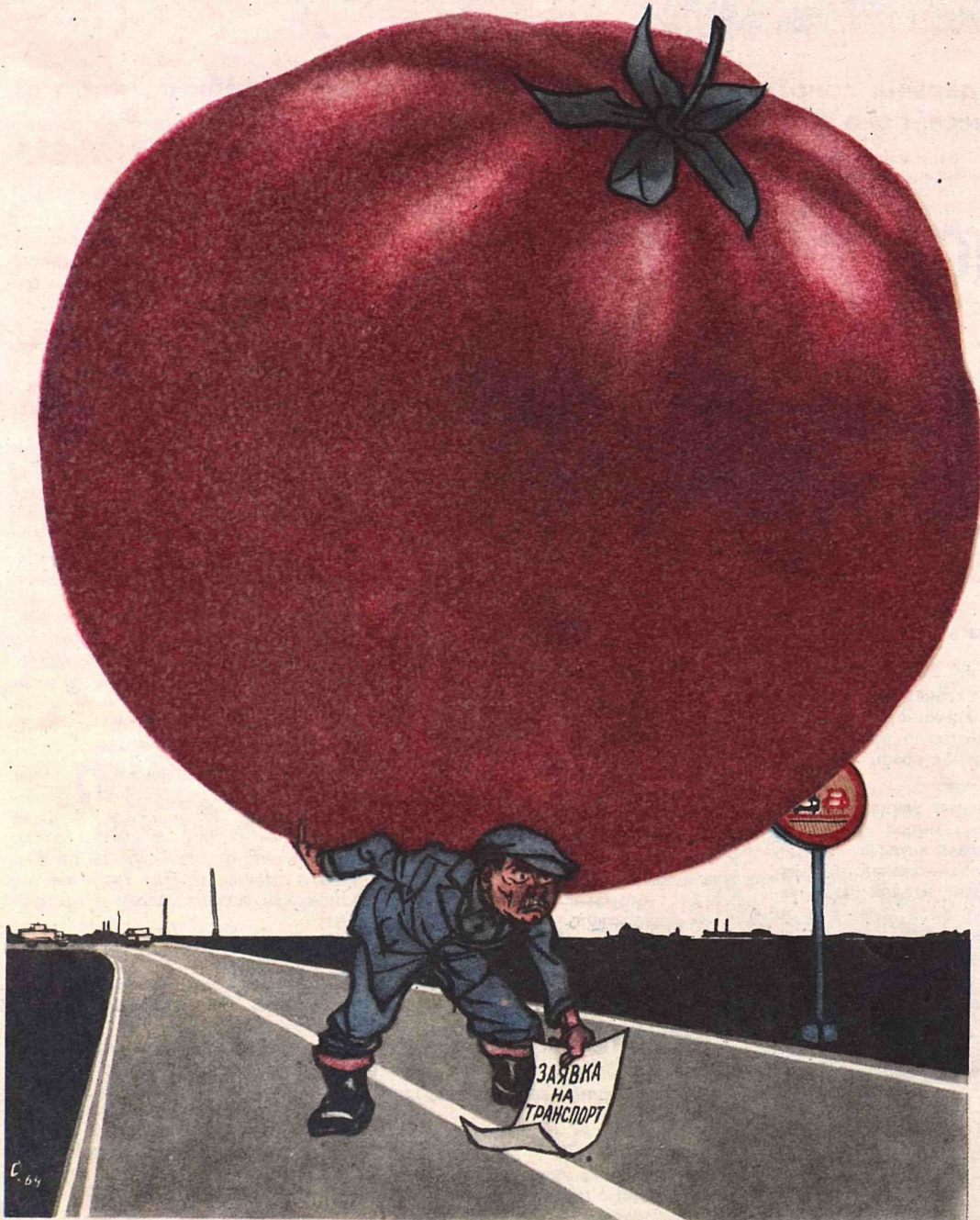
Дом с антенной был красив и богат. Пудовые пуси бродили на приусадебном участке. Автомобиль «Москвич» прижимался к амбру.

Колдун сидел на приступках, подавленный мыслями о собственном величии.

— Пока что ездют... — гордо бормотал Петр Яковлевич. — За тыщи верст прут...

— Спасите!... — простонал я. — У меня опущение желудка.

— Пуззло муззло? — строго спросил старец.

— Вырастил на свою голову!

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Судя по манерам, произошел от обезьяны совсем недавно.

В. СИНЕПОЛЬСКИЙ

Не было ни гроша — и вдруг калым.

С. НЕВИНЯНСКАЯ

Чем дорога хуже, тем она больше пускает пыль в глаза.

М. ГЕНИН

Размениваясь на мелочи, он сколотил кругленькую сумму.

Если хочешь прилично пообедать, закажи на первое жалобную книгу.

Н. КОМИССАРОВ

Легок на подъемные.

Чудотворец: тратит в пять раз больше, чем зарабатывает.

М. КРУТИК

В часы «пик» автобус напоминает лабораторию, где можно испытывать одежду на разрыв.

Гр. ГОРОДЕЦКИЙ

В честь строителей поселок назвали «Большие Недоделки».

Л. МИТНИЦКИЙ

Взяточник ответил заявителю: «Ваши просьбы высылайте денежным переводом».

В. БОЛДИН

КОЛДУНУ

— Именно puzzle, — упиваясь отчаянием, подтвердил я.

— Мал-мала пойдем, — приказал колдун, — в кабинет.

Он провел меня в темный закуток, раздел донага и велел лечь на скамью, покрытую кошмой. Некоторое время старец постоял с закатывшимися глазами, как бы находясь в трансе. Потом затрясся, поплевал в угол и приступил непосредственно к врачеванию.

— Гиенна маммона, — зловеще зашептал колдун, энергично пальпируя мою брюшную полость.

Я смиренно лежал на вонючей кошме, голый, как Адам, и думал о бренности. Какие-то птицы истоиво бились крыльями о перегородку. Коричневые, словно мулаты, святые висели в почетном углу. Георгий Победоносец равнодушно втыкал копье в ненатурального змия.

— Эники-беники! — закричал колдун и напил меня жидким куриным пометом.

У меня на губах выступила пена.

— Ну как? — с живейшим любопытством осведомился Петр Яковлевич.

Я скрипнул зубами.

— Скрежет зубовный, — наставительно сказал мой лечащий колдун и поднял ввысь грязноватый указательный перст, — есть знак, что болезнь исходит из брэнного тела твоего.

Слабой рукой я положил на кошму «четвертную» и, проклиная лифтершу тетю Дашу, а также сноху и прочих ее родственников до пятого колена, побрел восвояси. «Хороши эники», — думал я и шел по деревне худой, томный и неблагодарный.

— Послушайте! — окликнули меня. — Вы не от колдуна?

Смотрю: на бревне сидят какие-то приезжие люди. Они оказались пациентами колду-

на. Ждут своей очереди. Богатая, думаю, клиентура. Подсел, познакомился. Народ все культурный, интеллигентный. Анна Васильевна Бутомина, например, приехала из Новосибирска. Симпатичная женщина, молодая, с университетским образованием. С трудом выпросила отпуск за свой счет, приехала полечиться. Профессора-то, они что, они ничего не понимают, велют исследоваться стационарно. А колдун «слово» знает, недаром же ей про него домработница рассказывала!

Отставной подполковник М. из Томска и сам не ведает, зачем он, собственно, к знахарю пожаловал. В целом он все эти белые и черные магии не уважает, но, так сказать, навсякий пожарный случай. Вдруг что-либо случится с организмом, не железный же!

Разговорился я и с Николаем Исидоровичем Шапсом. Этот прикатил аж из Одессы.

— Ничего не пожалеоу, — говорит, — лишь бы он мой недуг исцелил. Вот, пощупайте...

И дает пощупать. А щупать, честно говоря, никому не охота. Каждый погружен в самые черные, ипохондрические мысли о своей сокровенной болезни. Тем более все ловят себя на подлой мысли, что с рентгеном оно способнее было бы установить заболевание у этого цветущего одессита. Однако все сочувствуют Шапсу и стараются сказать ему какую-нибудь любезность.

— Кстати, чем он лечит? — спрашивает повеселевший Николай Исидорович.

— По-моему, динамитом, — невесело шучу я.

— Может, самим попробовать? — предлагает кто-то.

— Куда там, — сумрачно отзывается подполковник. — Надо ведь еще «слово» знать.

Сидим так, разговариваем, душу отводим. А на другом конце бревна какой-то милый старичок все к нашим разговорам прислушивался. Он потом сел поближе и говорит:

— Езжайте вы все домой. Я давний местный житель, ныне пенсионер. Упорно я с этим колдуном борюсь. Шарлатан он самый типичный. А вы люди здоровые и с виду сознатель-

ные. Как же вам вообще не стыдно лечиться у невежд, которых выгнали из первого класса церковноприходской школы за полное непонимание? Да знаете ли вы, что он сам лечится только у дипломированных докторов? Совсем недавно ему язву в больнице вырезали. Зашел я к нему в больницу. Лежит в постельке чистенький, кроткий, божественный. И шепчет что-то.

«Как же так, — спрашиваю, — такой, можно сказать, «могущественный» человек, а обратился за помощью к обыкновенным врачам?»

«Постой, — говорит, — дай лоб перекрестить... — Да как заревет: — Заслуженному врачу БАССР товарищу Рабиновичу мно-о-о-гая лет!»

Вот так-то... А был один, прямо скажу, страшный случай. Мальчонку из Давлеканова отправили родственники к колдуну, вместо того чтобы у врачей лечить. А паренек страдал гнойным воспалением суставов. Вот и погибши за греш...

Выслушали мы старичка, и стало нам стыдно. И не только стыдно, но и страшно. Подполковник М. на что человек боевой и не раз, как говорится, смотрел смерти в глаза, а и то даже несколько изменился в лице.

— Ну его, — сказал он, — к богу, а точнее, к лешему... Поеду-ка я домой!

Начали мы потихоньку расходиться, а по дороге я очень основательно думал над всей этой историей и теперь положила руку на миокард могу заявить с самой серьезной ответственностью.

Можно, конечно, оригинальничать — утираться стеклом или стараться лечь на потолок так, чтобы не падало одеяло. Но шутить со своим организмом не следует. И доверять его колдунам — тем более. Может боком выйти. Человеческий организм все-таки не железный и никак не поддается переплавке. Хоть ты его режь на кусочки!

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Кронодила
дер. Гордеевка, БАССР.

Хорош!

Как он был на трибуне хорош,
Призывая не пить молодежь!
Но, в буфет заглянув, молодежь
Про него говорила: — Хорош!

А. РАСКИН

Хозяин

Хозяин пса пинал, хоть тот был верный
страж,
Зато кот ласкал: ценил подхалимаж!

Гнилушка

Блестит гнилушка полночью глухой,
А на свету она труха трухой!

Т. КОЧИЕВ
Перевел с осетинского Евг. Ильин.

Прогресс

Ворона техникой хвалилась:
— У нас произошли большие
перемены.
Я раньше отдыхать на провода
садилась,
Теперь сажусь я... на антенны!..

В. ЗУБИХИН

Преобразователь природы

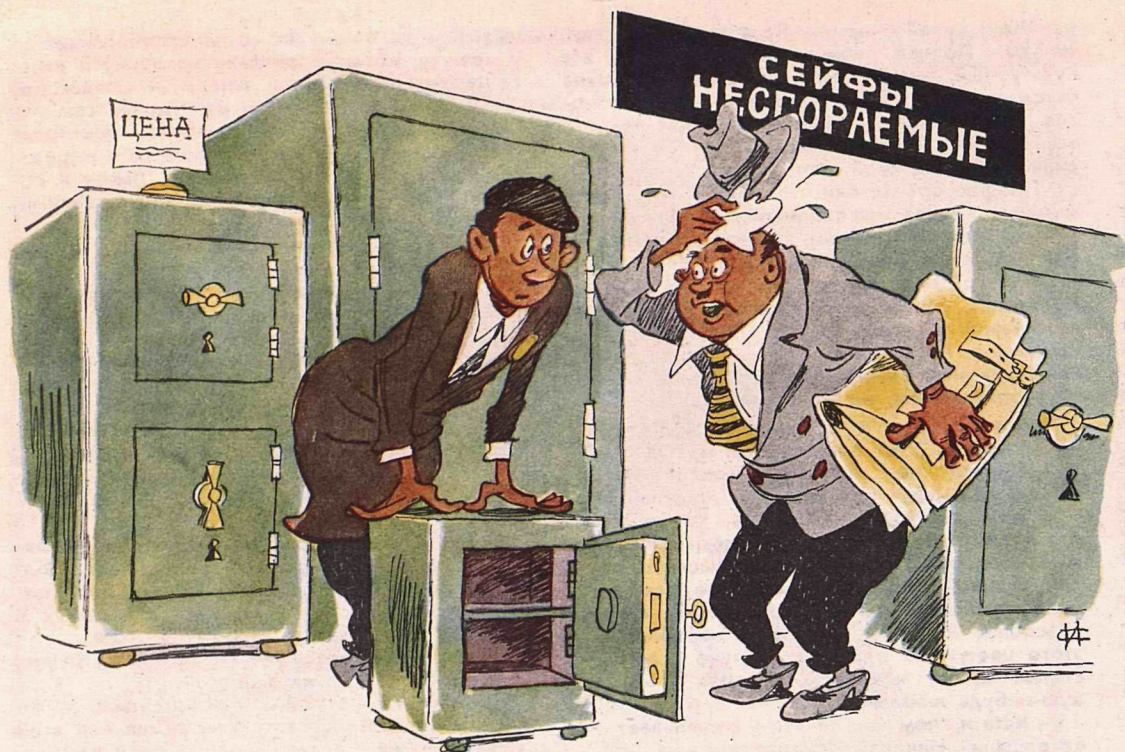
Он от природы милостей
не ждал —
Добился, чтоб расщедрилась
природа:
Фруктовый сад ему пять тысяч
дал
Да тысячу — доходы с огорода!

И. МАРТЬЯНОВ

ИЗУЧАЕТ МАТЕРИАЛ

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

— Скажите, а нерасхищаемые у вас есть?

Рисунок И. СЫЧЕВА

ДАЙТЕ МНЕ ГИТАРУ!

Как следует изучать испанский язык? Отвечаем: при помощи выкроек одежды. Во всяком случае, так считает администрация магазина «Москнига» № 85. Иначе пр-ка Смольянинова из Симферополя в ответ на просьбу прислать самоучитель испанского языка не получила бы открытку такого содержания:

«Уважаемый товарищ! На Ваше письмо сообщаем, что заказанной Вами книги в наличии нет. Имеются альбомы с чертежами кроя: альбом рабочей одежды, 1962. Ц. 2 р., модели детской одежды, 1963. Ц. 2 р.» и т. д.

Думается, работники магазина исчерпали далеко не все свои возможности. С таким же успехом можно рекомендовать изучать язык Сервантеса по правилам борьбы самбо, инструкции по хранению садового инвентаря и брошюре о выращивании свиней. В общем, по любой литературе, которую магазин «имеет в наличии». Найденный метод открывает необъятные горизонты.

Дайте мне мантилью! Дайте мне гитару! Дайте сегидилью, кастаньетов пару! Уж очень не терпится спеть звучную серенаду в честь изобретательных лингвистов из магазина «Москнига» № 85!

А. Р.

ОТКЛИКИ И РЕПЛИКИ

«ДЛЯ ЧЕГО ГОЛОВА?»

В корреспонденции под таким заголовком Крокодил в № 14 критиковал серьезные недостатки на стройке Новгородского химкомбината. На корреспонденцию откликнулось несколько организаций.

Комитет партийно-государственного контроля Новгородского обкома КПСС и облисполкома строго указал на низкое качество работ управляющему трестом № 43 Е. Зисману и главному инженеру А. Репину. Виновники брака привлечены к материальной ответственности.

Порадовал нас и «Главзапстрой». Он сообщил, что проект организации строительных работ рассмотрен техническим советом и передан тресту № 43. Что ж, остается пожелать, чтобы этот проект не остался лишь на бумаге.

Отозвался и виновник задержки выдачи графиков технической документации — Государственный проектный институт азотной промышленности (ГИАП). Директор института тов. Симулин обнадеживающе сообщил, что графики составлены, и отосланы кому положено — заказчику.

«На сегодня, — пишет далее тов. Симулин, — титул строительства Новгородского химкомбината на 1964 год обеспечен полностью. По объектам пускового комплекса 1965 года документация не выдана лишь на 850 тысяч рублей...»

Мы только собрались опубликовать ответ ГИАПа, как получили письмо из Управления химической промышленности Ленсовнархоза:

«Положение с техдокументацией на Новгородском химкомбинате остается неудовлетворительным. ГИАП не обеспечивает выдачу техдокументации по производству аммиака и мочевины в объеме работ 1965 года на 6 миллионов рублей».

Как же это понимать, уважаемый тов. Симулин? На какую все-таки сумму не выдано документов — на 850 тысяч или на 6 миллионов рублей?

Улыбки Удалых Гороз

Тур ХЕЙЕРДАЛ

СТРАШНАЯ МЕСТЬ КРОКОДИЛА

Не желая обидеть никого из участников недавно закончившегося в Москве VII Международного конгресса антропологов и этнографов, нужно все-таки признать, что один из них пользовался исключительным вниманием. Это, как вы уже догадались, отважный норвежец Тур Хейердал, совершивший легендарное путешествие на плоту «Кон-Тики». Журналисты набегали на него волнами. Естественно, не избегал Хейердал и «атаки» со стороны Крокодила. Вот что рассказал нам знаменитый норвежский ученый.

Итак, Крокодил все-таки настиг меня... Признаться, в глубине души я всегда подозревал, что ищенье впоследствии. Ищенье за тяжкие увечья, которые я нанес одному вашему дальнему сородичу — бразильскому крокодилу.

...В узком каное нас было четверо: два индейца, моя жена и я. Один из индейцев загарпунил крокодила. Пресмыкающееся отчаянно сопротивлялось. Каноэ едва не перевернулось. Наконец мы пристали к берегу и с огромным трудом вытянули крокодила на берег. Наш пленник извернулся и ударил хвостом по голове одного из индейцев. Тогда я схватил топор и с размаху вонзил его в череп крокодила. Животное затихло. Но едва мы выдернули гарпун, топор и выпрямились, чтобы перевести дух, как крокодил поднялся и затопал к воде.

И вот возмездие: корреспонденты Крокодила пришли ко мне в номер гостиницы «Украина», чтобы власть помучить меня вопросами. Ну что же, если вас интересуют мои планы на будущее, то я должен вас сразу же огорчить: я не люблю делиться замыслами. Правда, у нас в стране газетчики легко выходят из положения: они сами придумывают и приписывают мне что-нибудь интересное. Например, когда я готовился к путешествию на «Кон-Тики», газетчики возвестили, что Тур Хейердал собирается прыгать с парашютом и индейцам Южной Америки. Эта информация доставила нам несколько веселых минут, и кто-то из нас сказал: «А что, может быть, действительно, прыгнуть?»

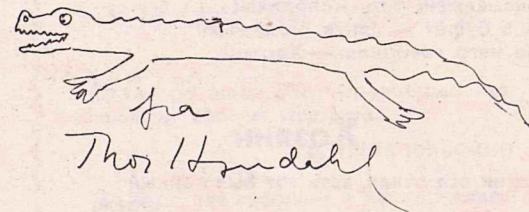
Вы говорите, что вас больше интересует смешное в прошлом, чем опасное в будущем? В таком случае я расскажу вам, что произошло на сто первый день путешествия на «Кон-Тики».

За сто один день мы так свихнулись с колыханием плота, что бревенчатая «почва» не выдержала у нас из-под ног при любом поведении океана. И вот путешествие закончено, французская шхуна

взяла нас на борт. Казалось бы, шхуна по сравнению с плотом — это то же, что комфортабельный, прочный дом по сравнению с шалашом. Но, не пробыв и получаса на палубе шхуны, все мы вдруг почувствовали тошноту. Нас элементарно укачало. Французские матросы, считавшие нас героями, глазами своим не поверили, когда увидели, как экипаж «Кон-Тики» страдает от самого пошлого приступа морской болезни. Очевидно, качка на шхуне отличалась от качки на плоту. Разум быстро привыкает к переменам, но тело, очевидно, не всегда поспевает за разумом...

Тур Хейердал берет блокнот и пишет по-норвежски: «Наилучшие пожелания читателям Крокодила от Тура Хейердала». Вместо названия журнала Хейердал нарисовал Крокодила.

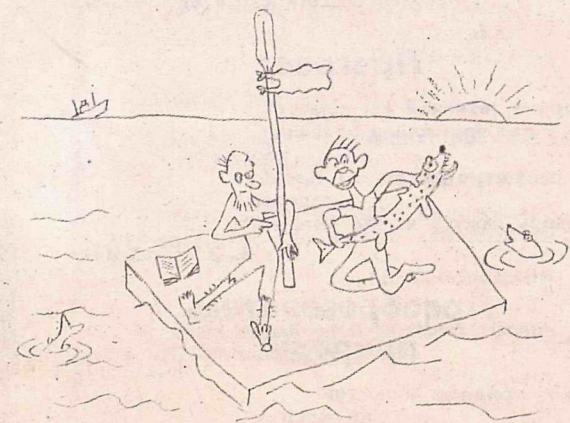
Beste hilsener til leserne av

— О, да вы еще вдобавок карикатурист! — воскликнули корреспонденты Крокодила.

— Вот уж не сказал бы! — ответил знаменитый путешественник. — А впрочем, однажды я нарисовал карикатуру на ученого, который... Но мне проще нарисовать заново, чем пересказывать.

Тур Хейердал вооружается карандашом и через пять минут вручает нам рисунок. Вот он:

МАТРОС. Профессор! Посмотрите, что я поймал! ПРОФЕССОР. Это гемпигус петротитопсус, который принадлежит к семейству хепитидае. МАТРОС. А есть его можно? ПРОФЕССОР. Вот этого я не знаю!

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Находясь в вытрезвителе, Поченов вел себя с положительной стороны».
(Из сообщения по месту работы задержанного.)

«Серков к работе относится добросовестно, но распоряжения выполняет с неохотой: сначала подумает, а потом делает».
(Из характеристики.)

«...Ильясов бегал за Мишаковым вокруг самосвала, который громко кричал».
(Из материалов дознания.)

Лучший друг животных и детей — ветеринарный врач.
(Из листовки городского ветеринарного отдела Мосгорисполкома.)

«Тов. Гродецкая! Не отмахивайтесь от больного, доведите его до конца».
(Из резолюции главврача.)

«О том, что в пьяном виде опрокинулась его машина, это чистая клевета, т. к. ему была выдана абсолютно трезвая справка».
(Из выступления.)

«С 18 по 28 мая я не выходил на работу потому, что боялся ответственности за прошлый пропуск».
(Из объяснительной записки.)

«Освежение головы тройным одеколоном — 08 коп.
Освежение костюма высшего качества — 024 коп.»
(Из прейскуранта.)

«Санэпидстанция сообщает, что адреса бродячих собак переданы в вет. службу города».

«Трусить на балконах и на лестничных клетках категорически запрещается, штраф 10 руб.»
(Из объявления.)

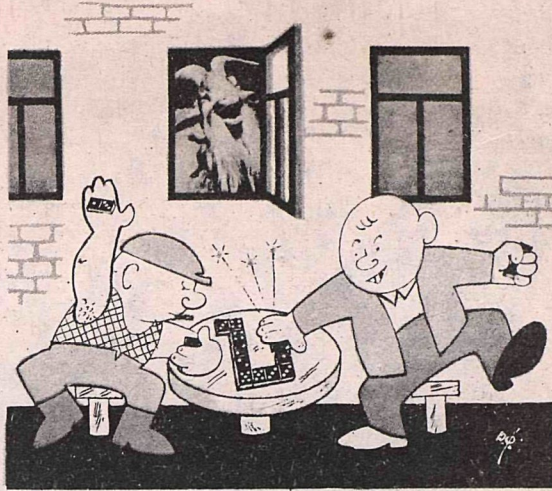
«Прошу Вашего разрешения врезаться в линию водопровода, так как я желаю иметь у себя во дворе собственную воду».
(Из заявления.)

«Заверяю, что с работой шофера дальних расстояний справляюсь. Еще в лесхозе мне нравилось выполнять приказы тех прорабов, кто дальше пошлет».
(Из заявления.)

Прислали: **Н. АНУРЕЕВ** (г. Москва), **И. БОРИСОВ** (г. Москва), **П. ЯКИМОВ** (г. Горький), **В. БОЛДИН** (Иркутская область), **И. КОНЕВ** (г. Ленинград), **Г. КАЛИТКО** (г. Красноярск), **В. ЕСИН** (г. Баку), **А. КУСАКОВ** (г. Днепропетровск), **А. ОРШАНСКИЙ** (г. Гомель), **Ю. КРИВОНОВ** (г. Новосибирск).

ОБЩЕСТВЕННЫХ

СМЕХ НА

НА ПРАВДУ

«Дорогой Крокодил! — пишет житель солнечной Ялты **А. Литвинов**. — Оказывается, подпись к карикатуре — хитрая штука!». Что верно, то верно. Заниматься «юмористической гимнастикой ума», как назвал участие в нашем конкурсе **Н. Коробко** из Кривого Рога, — это не орехи колоть и не «козла забивать». Тут требуется куда больше изобретательности.

3 848 человек решились на этот раз поупражняться в остроумии. Результаты оказались довольно весомыми: мешок с письмами потянул без малого два пуда. На табло редакционной счетно-вычислительной машины загорелась цифра «14 286». Стольким подписей к рисунку **Ю. Федорова** («Крокодил» № 17) получило жюри.

Сотрудник Министерства охраны общественного порядка Азербайджанской ССР **Юсифов Сагиб Умудов** и харьковчанка **Л. Дьяченко** прислали по 40 подписей, житель г. Шадринска, Курганской области, **Ю. Трапезников** — 42, супруги **Каюзины** из Липецкой области — 54. Но всех их оставил далеко позади студент Днепропетровского радиоприборостроительного техникума **В. Татаренков**. Он избрал 216 вариантов подписи! Ничего не скажешь: хватает у человека пороха в пороховницах!

У волжанина **А. Чулнова**, инспектора по пожарной профилактике из г. Сочи **Г. Толстопятенно**, алмаатинского инженера **Н. Автайкина** и ряда других читателей рисунок вызвал прилив поэтического вдохновения. В конкурсной почте нашлось три сатирических стихотворения, две басни, шесть эпиграмм. Авторы этих произведений языком Эзопа и Ювенала высмеивают не в меру ретивых «козломанов», которые бессмысленно растрачивают свой досуг, а порой и служебное время да еще нарушают при этом покой других людей.

406 читателей полагают, что к рисунку больше всего подходит подпись «Три козла». Несколько грубовато, но зато, по мнению ярославца **Ю. Егорова**, «это будет в духе реализма».

«Козлу на смех» — плод размышлений 279 участников конкурса.

На рисунке изображен «Турнир претендентов» на матч с абсолютным чемпионом по домино, который выигрывает из окошка, так утверждают киевлянин **С. Боризевский** и днепропетровский студент **В. Корж**.

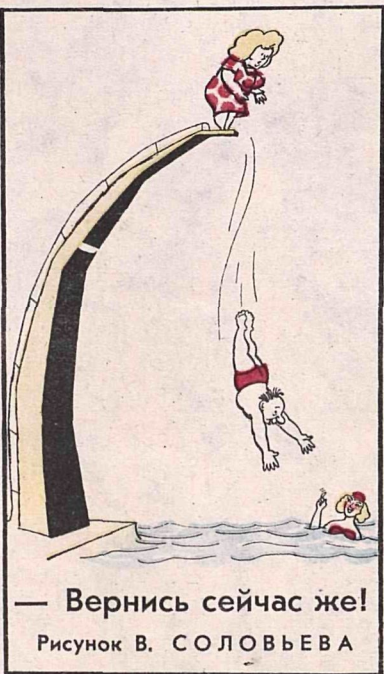
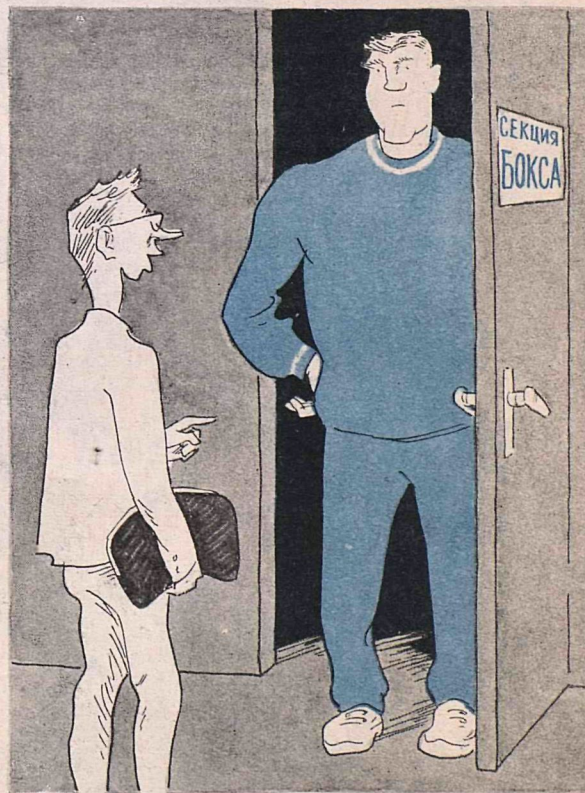
Житель Казани **В. Перель** целую неделю ломал голову, придумывая подпись. В конце концов он при-

шел к выводу, что самой остроумной будет подпись «Без слов». С ним согласился **Б. Благодатский** из Андижана.

35 читателей с огорчением отмечают, что домино — эта самая интеллектуальная игра после перетягивания каната — все еще доминирует с благословения культорганизаторов и затейников в некоторых домах отдыха, санаториях, клубах, красных уголках. Ими предложены две подписи: «Инструмент доведен» и «Квалифицированный судья».

Ехидную подпись «Один уже достукался» прислал одессит **Н. Демшин** и сибиряк **В. Половников**.

Крокодил благодарит всех участников конкурса и предлагает вниманию читателей рисунок **М. Соколова**. Как вы думаете, о чем могут говорить между собой эти двое молодых людей?

Что нового в сатирическом цехе

«ЗАСТАРЕЛЫХ ДРУЗЕЙ» знакомит с читателями автор литературных пародий и эпиграмм **А. Раскин**. Свидание — в Библиотеке Крокодила.

«ЖЕСТОКИЙ РОМАНС» исполняет в той же Библиотеке автор нового сборника сатирических стихов **Ю. Благова**.

«НОВОСЕЛЬЕ» справил в Библиотеке грузинского сатирического журнала «Нианги» фельетонист **Г. Иванншвили**.

«КНИГА ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ», заполненная стихами **М. Романова**, рисунками художников «Боевого карандаша» **Г. Ковенчука** и **Ф. Нелюбина**, вышла в Ленинграде.

«ЗАБОТЫ МАРЖАНАТ» нашли отражение в сборнике сатирических и юмористических рассказов кумысского литератора **Ю. Гереева**. На русском языке книгу выпустил «Советский писатель».

ЮМОРЕСКИ **А. ВОРОПАЯ** «Прима», «Такая была мода», «Зайди-те завтра!», «Корова или коза?» и

другие выпущены Харьковским книгоиздательством.

«ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ» запечатлен в юмористических рассказах **П. Кодочгова**. Книга вышла в Тюмени.

Если вы увидите в киоске книжку юмориста **М. Семенова** «ПЕРИЦАНИЕ УЛЫБКИ», — не огорчайтесь. Автор порицает не улыбку, а ее недругов. Этот сборник фельетонов и юморесок издан библиотекой «Огонька».

На местных национальных языках изданы в Душанбе юмористические рассказы **А. Фитрата** «ДЕНЬ СТРАШНОГО СУДА»; во Фрунзе — басни и эпиграммы **М. Борбугулова** «НАМЕК»; в Орджоникидзе — коллективный сборник эпиграмм и пародий «ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ»; в Махачкале — сатирические стихи **Г. Жамидина** «ИДИ ВПЕРЕД».

«САТИРА ШЕВЧЕНКО» — монография **Ю. Иваннина** — выпущена издательством «Художественная литература».

Главный редактор — **М. Г. СЕМЕНОВ**.

Редакционная коллегия: **А. Н. ВАСИЛЬЕВ**, **М. Э. ВИЛЕНСКИЙ**, **А. Е. ВИХРЕВ** (ответственный секретарь), **Б. А. ЕГОРОВ** (зам. главного редактора), **А. Н. РЕМЕЗОВ**, **И. М. СЕМЕНОВ**, **С. В. СМЕРНОВ**, **А. А. СУКОНЦЕВ**, **Е. А. ШУКАЕВ**.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00453 Изд. № 1139. Подписано к печати 19/VIII 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 050 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л. Заказ № 2266.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

83082
72

Недавние события в Тонкинском заливе, где американские вооруженные силы совершили агрессию против Демократической Республики Вьетнам, показывают, что демократическая партия США боится упреков со стороны республиканцев в «недостаточной» воинственности. Из газет.

ЗАЕЗД НА БОЛЬШОЙ ПРИЗ

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

28 АВГ 1964

Союзная
государственная
Контроль экземпляры
1964 г.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.